

Подписная научно-популярная серия

3'91

Н.А.Васецкий

«Я ШЕЛ К ЛЕНИНУ С БОЯМИ...»

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

3/1991

Издается ежемесячно с 1991 г.

Н. А. Васецкий,
доктор исторических наук

«Я ШЕЛ К ЛЕНИНУ С БОЯМИ...»

(Ленин и Троцкий.
К характеристике взаимоотношений.
1920—1924)

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» 1991

ББК 66.61(2)271.3
В 19

ВАСЕЦКИЙ Николай Александрович — доктор исторических наук, специализируется по проблемам внутрипартийной борьбы в 20-е годы, анализа современных зарубежных немарксистских идейно-политических течений.

Редактор — *Л. Б. ЯСТРЕБОВ*

Васецкий Н. А.
В 19 «Я шел к Ленину с боями...» (Ленин и Троцкий. К характеристике взаимоотношений. 1920—1924).— М.: Знание, 1991. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике Сер. «Политическая история XX века»; № 3).
ISBN 5-07-001889-2
30 к.

Вынесенные в название слова «Я шел к Ленину с боями...» взяты из сборника статей Троцкого «Новый курс» (1924 г.). Они имеют и продолжение: «...Я пришел к нему полностью». Так ли это было? Сумел ли Троцкий полностью усвоить ленинизм и руководствоваться его идеями в революционной практике первых послеоктябрьских преобразований? Об этом сложном и бурном, изобилующим многими противоречивыми ситуациями последнем этапе взаимоотношений двух вождей партии — Ленина и Троцкого — рассказывается в настоящей брошюре.
Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов, партийных работников.

0902020000 ББК 66.61(2)271.3

ISBN 5-07-001889-2

«...Мы все, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него. Наша партия есть ленинизм в действии, наша партия есть коллективный вождь трудящихся. В каждом из нас живет частица Ленина — то, что составляет лучшую часть каждого из нас».

Эти строки впервые появились в начале 1924 г., едва ли не сразу же после смерти Ленина, в молодежном журнале «Молодая гвардия». Читая их сегодня, невозможно даже представить, что вышли они из-под пера Троцкого. Невозможно потому, что с конца 20-х гг. нас постоянно приучали к единственной мысли: если имена Ленина и Троцкого ставятся рядом, то лишь только затем, чтобы напомнить о той вражде, которая была якобы присуща их взаимоотношениям едва ли не на всех этапах российского и международного революционного движения, показать несовместимость позиции политических течений, названных по их именам, — ленинизма и троцкизма.

Что ж, такой подход был характерен и для меня, автора этой брошюры. И он, в общем-то, понятен.

Иначе ставится вопрос сегодня. Не снимая с повестки дня необходимость усвоения исторического опыта борьбы коммунистов за чистоту революционной теории, за ее творческое развитие, в том числе и опыта борьбы против троцкизма, не менее важно разобраться, почему, скажем, после победы Октября Троцкого не просто «терпели», но и доверяли весьма ответственные, если не сказать ключевые, посты в партии и Советском государстве, его портреты при жизни Ленина помещались рядом с портретами основателя Советского государства, а сам Троцкий считался «вторым человеком» в руководстве страной.

Невозможно ответить на эти и другие вопросы не

проследив изменений во взаимоотношениях Ленина и Троцкого, не раскрыв причин, обусловивших переходы от борьбы против Троцкого к сотрудничеству с ним. Собственно, в этом и состоит суть диалектического метода, когда исторические события и их участники рассматриваются во всем многообразии фактов и обстоятельств, причин, их порождающих, и следствий, из них вытекающих. В этом, конечно, немалая сложность. Именно здесь причина затянувшегося, идущего рывками, с многочисленными остановками и попятными шагами, переосмысления нашей истории. Ведь еще русский историк С. М. Соловьев предупреждал: «Ум человеческий не любит многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство».

В этой брошюре я взял для исследования заключительный этап бурных, изобиловавших разными ситуациями отношений между Лениным и Троцким, этап, во многом итоговый для этих отношений, когда они уже определились и отстоялись настолько, что их не могли сколько-нибудь поколебать никакие привходящие обстоятельства, личные качества каждого из этих исторических деятелей. Следовательно, указанный этап позволяет не только сделать определенные выводы о пройденном ими обоими пути, но и судить о перспективе. Для Ленина в 1923 г. этой перспективы уже не было. Тогда как у Троцкого впереди оставалось еще более полутора десятка лет, которые исчерпывающе раскрывают смысл его же собственных слов, почему он «шел к Ленину с боями» и насколько сумел усвоить ленинскую «науку побеждать». А именно в этом компоненте Троцкий как раз и соревновался с представителями лидирующей группы, прежде всего со Сталиным и Зиновьевым, представителями большевистской «старой гвардии».

Вынесенные в название брошюры слова были написаны Троцким в сборнике статей «Новый курс», увидевшем свет в январе 1924 г. буквально накануне открытия XIII партконференции. У этих слов есть продолжение. А именно, после фразы «я шел к Ленину с боями» Троцкий добавляет: «...но я пришел к нему полностью и целиком»[1].

---

[1] Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М., 1990. — С. 192.

Я сознательно опустил это продолжение. Потому что оно, мягко говоря, двусмысленно и неточно, а пояснений Троцкий не сделал. По крайней мере из текста «Нового курса» остается неясным, что их автор имел в виду. Ведь одно дело — быть вместе с Лениным, идти рядом, оставаясь его соратником. В этом смысле к Троцкому нет особых вопросов. Он, как и представители «старой гвардии», в частности те, кто упомянут в ленинском «Письме к съезду», был ближайшим помощником Ленина, участвовал в реализации многих его замыслов.

Но совсем другое дело — наследовать ленинизм, то есть ленинские идеи и практику революционного преобразования действительности. Тут Троцкий так и не пришел к Ленину, во всяком случае «полностью и целиком», как, впрочем, и «старогвардейцы». Троцкий и каждый из них остановились на разном расстоянии от Ленина. Различной была и мера осознания ими ленинского идейного наследия, восприятия ленинского стиля и методов руководства страной, партией. Какими оказались эти «сближение» и «различие», следует выяснять в каждом конкретном случае.

ВЫХОД ИЗ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Всю гражданскую Ленин и Троцкий, по сути, прошли вместе, рука об руку. Хотя, разумеется, нельзя забывать и о спорах между ними по ключевым военным проблемам, которые, однако, не затрагивали принципов. И вывод страны из хозяйственной разрухи они начали вместе. В архиве Троцкого есть относящаяся к 23 января 1920 г. запись: «Главное: твердо помнить, что каждый шаг практической работы важнее всех организационных перестроек и переименований». Эти слова могут в известной мере служить эпиграфом к хозяйственной работе в данный период не только Троцкого, но и всей партии.

Несколькими днями раньше, 12 января того же года, на заседании фракции ВЦСПС Троцкий выступил с докладом «Хозяйственное положение республики и основные задачи восстановления промышленности». Развивая ленинские идеи по данному вопросу, он следующим образом конкретизировал основные направления предстоящей работы. В центр внимания страны и в первую очередь рабочего класса докладчик считал не-

обходимым поставить вопросы производства, подъема промышленности. В центр хозяйства — ремонт транспорта. «Как мы бросили клич: «Пролетарий, на коня!» (в период гражданской войны. — *Н. В.*), так теперь нужен клич: «Пролетарий, к станку, пролетарий, к производству!» — говорил Троцкий. Перед Наркомпродом следовало поставить задачу создания продовольственной базы и на ее основе «создать общественное принудительное питание». Особое внимание предлагалось уделить учету квалифицированной рабочей силы. «Трудовую книжку гражданина соединить с книжкой, определяющей отношение к воинской повинности, — с служебной книжкой красноармейца». В связи с этим Троцкий предлагал перейти к использованию в хозяйственном строительстве тех армейских частей, которые высвобождались от боевых задач. Наконец, Троцкий требовал «печати приказать, чтобы она била в набат, чтобы она не смела писать оптимистических статей, ибо мы идем под уклон, и линия этого уклона падает все круче и круче».

Программа была, как видим, предельно четкая и любому мало-мальски грамотному партийцу понятная. Не вдаваясь в подробный ее анализ, подчеркну только, что в ней главный упор был сделан на командно-административные методы. Ни о какой самодеятельности, тем более творческом потенциале трудящихся, даже не упоминалось. Или, точнее сказать, самодеятельность и творчество исполнителей программы должны были реализовываться жестко в ее рамках, методами, предлагаемыми Троцким.

Говорю об этом не в упрек одному только Троцкому. Так же или почти так же, как он, мыслило подавляющее большинство ЦК РКП(б), включая Ленина. Отмечаю данный факт лишь затем, чтобы опровергнуть более поздние утверждения самого Троцкого, в частности в книге «Моя жизнь». Желая смягчить впечатление зарубежных читателей его произведений начала 20-х гг., их автор писал, что он стал проводить «военные методы» в народном хозяйстве лишь с конца февраля 1920 г., когда в ЦК не прошло его предложение о замене продразверстки продналогом, которое будто бы предваряло ленинскую новую экономическую политику. Более того, отвергнутые ЦК «нэповские» предложения Троцкого, строго говоря, и не могли претендовать по

своему содержанию на глубокие перемены в экономической политике. Троцкий выступил за ослабление нажима на зажиточную часть крестьянства, более осторожное к нему отношение при одновременном административном перенесении центра тяжести на «коллективизацию» сельского хозяйства: принудительную разверстку по запашке и вообще обработке земли[2].

Как наиболее последовательный «военный коммунист» Троцкий выдвинулся на первые роли в проведении намеченного курса. Решением Совнаркома от 27 января 1920 г. он назначается председателем межведомственной комиссии по вопросам трудовой повинности. О придававшемся ей значении в восстановлении хозяйства говорил уже сам состав комиссии. В нее вошли наркомы труда, внутренних дел, председатель ВСНХ, наркомы продовольствия, земледелия, путей сообщения, по военным и морским делам, председатель ВЦСПС. По сути дела, это был первый опыт создания межотраслевого правительственного органа, наделенного весьма широкими полномочиями.

Особое место в работе комиссии и лично Троцкого как наркомвоенмора заняло комплектование трудовых армий из воинских подразделений, прекративших ведение боевых действий, но ввиду сложности международной обстановки, неспокойствия внутри страны, требовавших их сохранения. По этому поводу в литературе существует немалая путаница, которая идет от более поздних внутрипартийных баталий и стремления противников Троцкого обнаружить у него «бонапартистские замашки» еще в период политической деятельности Ленина. Поэтому считаю необходимым сделать пояснения.

В том, что создание трудовых армий представляло собой объективную потребность, продиктованную необходимостью сохранить Красную Армию, убеждает двусторонний процесс их (трудовых армий) формирования: сверху и снизу. 1 января 1920 г. на основании протокола № 1 комиссии по вопросам трудовой повинности Троцкий обратился с письмом к видному советскому военному работнику, бывшему генералу М. Д. Бонч-Бруевичу. В нем он просил его взять на себя руковод-

---

[2] См.: Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М., 1990. — С. 197—198.

ство работой по привлечению военного аппарата к проведению всеобщей трудовой повинности. 15 января в почтотелефонограмме начальнику Всероглавштаба Троцкий выражался уже более определенно: «Так как задачей дальнейшего военного строительства в Советской Республике является сближение армии с трудом, то необходимо настойчиво и длительно проводить это начало решительно во всех областях военной организации. Применение местных гарнизонов для выполнения хозяйственных работ должно иметь строго систематический характер...»

В промежутке между этими двумя датами — 10 января — на имя Ленина и Троцкого поступила телеграмма, подписанная командующим 3-й дислоцировавшейся на Урале армии М. Матиясевичем и членом Реввоенсовета этой армии П. Гаевским, в которой содержалась просьба о преобразовании армии в 1-ю Революционную Армию Труда РСФСР. Возможно, что толчком к посылке телеграммы послужил намек кого-либо из окружения Троцкого на желательность такого шага. Зная умение самого наркомвоенмора к организации «стихийной инициативы» масс, вряд ли следует отрицать такую возможность. Но как бы то ни было, Ленин сразу откликнулся на просьбу уральцев. 12 января в ответной телеграмме он писал: «Вполне одобряю ваши предположения. Приветствую почин, вношу вопрос в Совнарком. Начинайте действовать...»[3]. Ясно, что независимо от чьей-либо инициативы, вопрос о создании трудовых армий, что называется, висел в воздухе.

Другое — методы Троцкого, как всегда жесткие, хлесткие его многочисленные приказы и распоряжения, регламентировавшие деятельность трудармейцев чуть ли не по часам. В самом деле, некоторые положения изданного Троцким «Приказа-памятки по 3-й Красной Армии — 1-й Революционной Армии Труда», опубликованного в «Правде» 16 января 1920 г., которые, по мысли его автора, должны были иметь решающее значение, выглядят как просто издевательство над здравым смыслом и человеческим достоинством тех, кому они предназначались для исполнения. Например, пункт 24: «Работу начинайте и оканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен (не забудем, что речь

---

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 51. — С. 115.

шла о рубке дров в лесу в 20—40-градусный мороз! — *Н. В.*), ибо ваша работа — не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству».

Очень скоро выяснилось, что подавляющее большинство трудармейцев не пожелало признать свой труд «нерабским» и, несмотря на «звуки социалистических гимнов и песен», начало всячески уклоняться от работы. Резко возросло число «трудовых дезертиров». Реакция Троцкого была незамедлительной. Он издает приказ № 7 по 1-й трудармии. Параграф 1-й приказа начинался следующими словами: «Дезертиры фронта труда караются как дезертиры Красной Армии».

Но и эти устрашающие меры не дали результатов, в чем Троцкий смог наглядно убедиться, познакомившись с опытом работы 1-й трудармии во время своей поездки на Урал. В опубликованных им в «Правде» заметках по этому поводу говорилось о крайне низкой производительности труда рабочих. При числе трудармейцев 3500 на работу выходило не более 2000, но и эта цифра была завышенной. Фактически трудовая армия была способна выставить на работу лишь 20—25% своего личного состава. А вот какой вывод делал Троцкий из им же самим приведенных показателей: «Так как Советское государство организует труд в интересах самих трудящихся, то принудительность не идет против личной заинтересованности, а наоборот, целиком совпадает с нею»[4].

Манера Троцкого прятать собственную беспомощность за высокопарными словами не просто девальвировала идейные и нравственные ценности социализма, но и дезориентировала партийное руководство, вводило его в заблуждение. Ведь к весне 20-го г. совершенно очевидной стала несостоятельность трудармий как формы организации новых трудовых отношений. Тем не менее, вместо того чтобы открыто заявить об этом, отказаться от скомпрометировавшей себя на практике идеи трудармейства и попытаться убедить в этом других руководителей, Троцкий поступал как раз наоборот.

Назначенный в марте 1920 г. по предложению Ленина на пост наркома путей сообщения с сохранением постов наркомвоенмора и Председателя Реввоенсовета республики, Троцкий прославился знаменитым приказом

[4] Правда. — 1920. — 23 марта.

№ 1042 от 22 мая 1920 г. по Главному управлению путей сообщения. В нем в форме директивы мастерским и заводам определялся план работ по возрождению транспорта. Суть плана была весьма проста. К моменту его разработки в стране насчитывалось 16 тыс. паровозов, из которых 9,6 тыс. были «больными». В приказе № 1042 была поставлена задача: в течение четырех с половиной лет организовать ремонт паровозов таким образом, чтобы к 1 января 1925 г. число «больных» машин сократилось бы до 3200. При этом общее число паровозов в 16 тыс. предполагалось сохранить неизменным.

Надо сказать, что, несмотря на попытки в последующем противников Троцкого принизить значение этого приказа, он сыграл большую роль в налаживании не просто работы транспорта, но и в восстановлении народного хозяйства страны вообще, в организации планового его ведения. Троцкий был прав, когда в докладе «Об итогах работы на транспорте» на VIII съезде Советов 22 декабря 1920 г. заявил: «Приказом № 1042 в общем и целом оживилась вся страна». На этом же съезде высокую оценку приказу дал Ленин. «...Мы имеем дело, — говорил он, — с настоящим планом, на много лет разработанным. Приказ № 1042 был рассчитан на пять лет, и в пять лет мы наш транспорт восстановить можем, число больных паровозов уменьшить можем, и, пожалуй, как самое трудное, я хотел бы подчеркнуть... что мы этот срок уже сократили». И Ленин заключал: «Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение»[5].

По данным о ремонте паровозов, рассчитанных так, что одна единица капитального ремонта приравнивалась к трем единицам среднего ремонта, показатели были таковы: в январе 1920 г. прошли средний ремонт 258 паровозов, в феврале — 396, в марте — 529, в апреле — 633, в мае — 789, в июле — 847, в августе — 1042, в сентябре — 1074 паровоза. Затем с наступлением осенней распутицы и зимних холодов произошло некоторое снижение — примерно до 800—900 единиц в месяц. Но взятые темпы работы существенно не поколебались.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 153, 154.

Начиная с июня фактические задания перевыполнялись: в июне на 7%, июле — на 30, августе — на 31, сентябре — на 35, октябре — на 33, ноябре — на 25%. При увеличении числа ремонтных мастерских на 25—28% капитальный и средний ремонт паровозов вырос в целом на 317%, или почти в четыре раза по сравнению с началом 1920 г. Увеличился и выпуск вагонов. С января по октябрь он вырос на 757%, или в 8,5 раза.

Достигнутые результаты явились следствием не только четкого планирования и распределения наличных материальных и людских ресурсов. Этому в немалой степени способствовала учрежденная на основании приказа Троцкого по наркомпути от 28 мая газета «Гудок». Та самая, где в 20-е годы начинали свою деятельность будущие известные писатели М. Булгаков, В. Катаев, И. Ильф, Е. Петров, Ю. Олеша и др. Конечно, не только благодаря их мастерству газета снискала популярность многочисленных читателей. В своей работе она опиралась на разветвленный штат рабочих корреспондентов, широкое использование писем читателей. Отвечая на вопрос «Чем должен быть «Гудок»?», Троцкий писал: «Гудок» — не просто газета для чтения, а инструмент, рабочее орудие для улучшения транспорта. Всякий сознательный, честный работник транспорта должен пользоваться «Гудком» в интересах улучшения транспорта во всех отношениях. Тот железнодорожник или водник, который знает упущения и умалчивает о них, не сообщает в газету, — плохой железнодорожник, плохой водник, плохой гражданин трудовой республики».

И вполне заслуженно Ленин не раз в этот период отмечал вклад Троцкого в развертывание разъяснительной кампании по укреплению трудовой дисциплины, наведению порядка на производстве, повышению производительности труда, поощрению энтузиазма трудящихся. «Что есть хорошего у Троцкого?.. — писал Ленин в январе 1921 г. — Несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*... При выступлениях, ораторских и литераторских, как участник и работник Всероссийского бюро производственной пропаганды, тов. Троцкий несомненно принес бы (и несомненно принесет) немалую пользу делу»[6].

---

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т 42. — С. 293.

Разумеется, при организации подъема транспорта не обошлось без принуждения и насилия. В гораздо более широких, чем в трудармиях, масштабах здесь была развернута борьба против прогульщиков, «дезертиров», других уклонявшихся от исполнения трудовой повинности элементов. Конечно, принудительные методы не могли не подхлестывать нерадивых, не укреплять внешнюю сторону дисциплины труда, производства в целом. Но они же, ограничивая самостоятельность трудящихся, попирая их человеческую свободу, в том числе и сознательных рабочих, не нуждавшихся во внешнем воздействии, низводили человека труда до безмолвной, а нередко и бесправной частички хозяйственного механизма, до мало что значившего винтика в государственной машине. С помощью таких методов решались, несомненно, некоторые экономические задачи. Однако не они были главным источником выполнения высоких производственных заданий.

Показательно, что там и тогда, где и когда главным рычагом реализации плановых хозяйственных заданий пролетарского государства становились реальная забота об улучшении условий труда и быта рабочих, акцент на методы убеждения, привлечение их к сознательному решению производственных задач, результат достигался быстрее и с гораздо меньшими материальными и нравственными издержками. Именно так было во многом, например, осенью 1920 г. в Донбассе. Прибывшая сюда во главе с Троцким полномочная комиссия Совнаркома по делам Донецкого бассейна сумела так поставить дело, что в кратчайшие сроки повысилась ежемесячная добыча угля почти вдвое — с 25 до 50 млн. пудов.

Произошло это не только за счет улучшения обеспечения шахтеров продовольствием, спецодеждой и обувью, регулярной выдачи зарплаты, перевода из Харькова в Донбасс ряда управленческих структур, но и в результате предложенной трудящимся, пусть скромной, элементарной, но все-таки социальной программы развития угледобывающей отрасли и района в целом.

В разработанном Троцким проекте «Мер по охране труда рабочих Донбасса», положенных в основу указанной программы, помимо собственно производственных задач, ставились вопросы налаживания медицинского обслуживания работающих, организации надзора за са-

нитарно-гигиеническим состоянием шахт. Троцкий потребовал от Наркомздрава выделения на эти цели не менее 30 врачей. Вводился запрет на использование труда женщин и подростков до 16 лет на подземных работах. Предусматривалось незамедлительное устройство несовершеннолетних детей в школы с полным обеспечением их питанием, одеждой, всем необходимым для учебы. Наконец, в проекте содержался пункт, обязывавший выполнить в течение 1921 г. ремонтно-строительную программу в таком объеме, чтобы жилища шахтеров отвечали санитарно-гигиеническим условиям. Ленин дал высокую оценку работы комиссии Троцкого (впоследствии ее возглавил Г. Пятаков).

Эти и другие принятые под руководством Троцкого меры способствовали снятию напряженности на наиболее ответственных участках производства, обеспечению топливом, другими важными видами сырья и материалов народного хозяйства страны. Не случайно на VIII съезде Советов Ленин охарактеризовал Троцкого (наряду с Рыковым) как одного из влиятельных и наиболее авторитетных руководителей, создавших известную школу работы в своем ведомстве[7].

В качестве существенных черт этой школы можно выделить точную оценку масштабов предстоящего дела, быстроту принятия решений, причем с учетом ближайшей перспективы, четкое планирование и умелую мобилизацию наличных средств и ресурсов для выполнения намеченных планов, грамотную пропаганду производственных достижений и распространение передового опыта. Но наряду со всем этим в хозяйственной «школе» Троцкого была и другая сторона — упор на администрирование и милитаризацию труда, ставка на принуждение и устрашение, недооценка методов убеждения и материального стимулирования, «перетряхивание» и «завинчивание гаек» как средство руководства не только хозяйственными органами, но и партией, общественными организациями.

Упрочение этой второй стороны в «школе» Троцкого, которую в известной мере вполне можно рассматривать как ранний вариант командно-административной системы, обусловливалось не столько царившей в стране разрухой, вопиющей дезорганизацией экономических и го-

---

[7] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 151.

сударственных структур, что требовало жесткой централизации, неуклонного проведения в жизнь принципа единоначалия, других элементов, обеспечивающих авторитет власти. Решающее значение в приверженности Троцкого командно-административной системе имела доктринальная сторона: зависимость его деятельности от теории «перманентной революции».

И после гражданской войны Троцкий продолжал в разных сочетаниях варьировать идею о том, что европейский пролетариат более созрел для социализма, чем российский, и поэтому главная задача Советской власти заключалась в необходимости продержаться до победы революций в экономически более развитых, чем Россия, странах. Сделать это было возможно, только опираясь на административные рычаги, на силу пролетарского государства. Иначе, считал Троцкий, не совладать с мелкобуржуазной стихией. Абсолютизация им вполне оправданных в условиях разрухи и всеобщей неразберихи административных методов, помноженная на отрицание возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, не замедлила вылиться в конструирование модели так называемого милитаристского социализма, представлявшей собой значительный шаг назад, к позициям домарксистского утопического социализма, к тому же одной из его наиболее худших разновидностей — социализма казарменного типа.

В основе троцкистской модели лежала идея милиционной системы. Суть ее заключалась в сведении населения данного района в полки, бригады, дивизии по месту жительства и труда. Это позволяло бы всем жителям проходить курс военного обучения и строя, не отрываясь от работы в промышленном производстве и сельском хозяйстве. Система военизированных поселений без особого труда позволила бы разрешить проблему руководящих хозяйственных кадров. Военные руководители одновременно исполняли бы функции хозяйственных и наоборот. В перспективе Троцкий рассчитывал в главных промышленных районах расположить офицерские курсы, чтобы каждый их слушатель мог стать руководящим работником в промышленности данного района.

В результате этих мер пролетарское государство получило бы возможность распоряжаться рабочей силой по своему усмотрению. Часть ее можно было бы пере-

брасывать из округа в округ, наиболее важные ее элементы — по всей стране. «Милитаризация труда не есть выдумка отдельных политиков или выдумка нашего военного ведомства, — рассуждал Троцкий. — Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным основным методом организации рабочих сил, их принудительной группировкой в соответствии с потребностями строящегося социализма в переходную эпоху от царства капитала к коммунистическому государству». И затем следовал такой вывод: «Если эта принудительно-организованная и распределяемая рабочая сила непроизводительна, то ставьте на социализме крест»[8].

Ясно, что при такой военно-бюрократической организации общества не могло быть и речи ни о каких рыночных, товарно-денежных отношениях. Троцкий был, пожалуй, одним из немногих тогдашних руководителей, кто говорил об этом открыто, не стесняясь, выражал эти мысли и не думал о том, какое впечатление на окружающих и население страны вообще они произведут. Иначе как можно объяснить такое его откровение: «Социалистическая организация хозяйства начинается с ликвидации рынка, а стало быть, и с упразднения его регулятора, т. е. «свободной» игры законов спроса и предложения. Необходимый результат — соответствие производства потребностям общества — должен достигаться единством хозяйственного плана, который, в принципе, охватывает все отрасли производства»[9]. Не в этом ли убеждении лежат истоки буквально панического страха последующих поколений советских руководителей перед рынком, категорического неприятия его, их стремления «охватить планом» все — от отрасли до последней парикмахерской?

Ленин (а он вначале поддерживал идеи Троцкого), другие деятели партии со временем разобрались, к каким негативным для общества, страны в целом, последствиям могло привести осуществление троцкистских установок. В ходе дискуссии перед IX съездом РКП(б) эти установки были подвергнуты резкой критике. В партийной печати, на страницах газеты «Экономическая жизнь» в выступлениях Д. Б. Рязанова, В. П. Ногина,

---

[8] Троцкий Л. Соч. — Т. XV. — С. 181—182.
[9] Там же. — С. 215.

В. П. Милютина, В. М. Смирнова и других осуждался «военный характер» троцкистской платформы, обращалось внимание на сугубо технократический, вне учета социальных и иных предпосылок, подход к вопросам перехода от «военного коммунизма» к построению социалистического общества.

Критики Троцкого отмечали, что одной из характерных черт его платформы явилась трактовка вопросов труда и трудовой повинности в военных терминах, без упоминания о профсоюзах, фабзавкомах, отделах распределения рабочей силы и Наркомтруда.

Ленин, как уже говорилось, не сразу выступил с критикой позиции Троцкого. Показательно, что 12 января 1920 г. он, присутствуя вместе с Троцким на заседании фракции РКП(б) в ВЦСПС, в весьма решительных выражениях осудил тех, кто поднял полемику против троцкистских тезисов. К сожалению, текст выступления Ленина на этом заседании до сих пор не опубликован. Отдельные выдержки из него приведены в примечаниях к XV тому Собрания сочинений Троцкого и в его книге «Сталинская школа фальсификаций». Естественно, выдержки эти подобраны в выгодном Троцкому свете. Поэтому судить о содержании речи Ленина в целом, его аргументации, мы не можем. Но она, по-видимому, была действительно «протроцкистская», так как, по словам Троцкого, «Ленин получил два голоса за себя, а все остальные 60—70 товарищей были против него».

Очевидно, под воздействием критики Троцкого со стороны других деятелей партии Ленин постепенно изменил свою точку зрения. 3 марта в замечаниях на тезисы Троцкого к IX съезду «Очередные задачи хозяйственного строительства» он в довольно сдержанных выражениях высказался за исключение из них ряда неверных формулировок и введение новых, более точно раскрывавших суть партийной политики в социалистическом строительстве[10]. Показательно, что эти замечания были впервые опубликованы лишь в 1934 г. в книге «Девятый съезд РКП(б). Март—апрель 1920 г.». Накануне съезда тезисы Троцкого подверг критике ЦК

---

[10] См.: Ленин В. И Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 190—191.

РКП(б), переработав их затем с учетом замечаний Ленина.

Позиция Троцкого критиковалась и на самом IX съезде, но не Лениным, а главным образом выступившими с содокладами по докладу Троцкого о хозяйственном строительстве В. В. Осинским и А. И. Рыковым.

Прорыва к качественно новым идеям, новому концептуальному осмыслению стоящих перед партией и страной проблем на съезде не произошло. Не случайно к осени 1920 г. резолюция о хозяйственном строительстве, как и большинство других документов IX съезда, оказалась попросту «вне игры». Может быть, поэтому в истории партии этот съезд остался малозаметным, он был, что называется, проходным. Ни Ленин, ни другие лидеры, определявшие направления политики, как говорится, не прочувствовали ситуацию. Ленин не прореагировал и на свое второе в течение 3 месяцев поражение на состоявшемся 15 марта совещании коммунистической фракции в ВЦСПС, где он был на этот раз вместе с Бухариным [11].

Возможно, сказалась инерция мышления, обусловленная громадным грузом трудностей, преодоление которых привычными всем способами казалось и наиболее подходящим. Не исключено, что на Ленина повлиял и такой факт: в 1916—1919 гг. рабочий потребляющих губерний получал 7 пудов хлеба, а крестьянин производящих губерний потреблял 17 пудов в год (до войны — 16). Поэтому, как представляется, Ленин считал, что во взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством нечего было менять в пользу крестьянства. Его положение и так было предпочтительным. «...Мы скажем, что массы будут голодать до тех пор, пока не победит Красная Армия, — говорил Ленин в своем докладе на съезде. — Нужно было, чтобы авангард рабочего класса принес эту жертву» [12]. Но если авангард рабочего класса был готов на новые жертвы, то крестьянство, кое-как мирившееся с разверсткой в годы гражданской войны, в мирных условиях больше не собиралось терпеть. Понимание этой коренной перемены в социальном мироощущении крестьянства, т. е. подавляющего большин-

---

[11] Девятый съезд РКП(б). Март—апрель 1920 года. Протоколы. — М., 1960. — С. 601.

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 255.

ства населения страны, придет к Ленину позднее. Наконец, уже тогда впервые дали о себе знать признаки будущей «теории осажденной крепости», т. е. опасения военной угрозы извне. Не из этого ли чувства опасности перед агрессивностью сопредельных с Советской Россией капиталистических государств, многие из которых и не считали нужным скрывать своей враждебности, родилась идея «польского похода» летом 20-го?

Как бы то ни было, но введение нэпа на год раньше позволило бы осуществить переход к новой модели хозяйствования при более благоприятной экономической и политической конъюнктуре. Не ввели. В результате этот переход страна вынуждена была совершить в условиях разразившегося тяжелейшего хозяйственно-политического кризиса и как его следствия — острейшей внутрипартийной борьбы, вылившейся в дискуссию о профсоюзах.

ДИСКУССИЯ О ПРОФСОЮЗАХ

Инициатором дискуссии выступил Троцкий. Вызревавшее в течение года недовольство его «милитаристским социализмом» наконец прорвалось открыто на заседании коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов (2—6 ноября 1920 г.). Его участники остро поставили вопрос о незамедлительном переходе к демократическим методам руководства союзами, к выборности и отчетности руководящих органов вместо их назначения и кооптации, регулярному проведению собраний и т. п. Троцкий, заявив о необходимости «завинчивать гайки военного коммунизма», осудил эту инициативу, бросив, по выражению Ленина, «крылатое словечко» о «перетряхивании» профсоюзов»[13]. Видимо, как и на заседании фракции ВЦСПС 12 января 1920 г. он рассчитывал на поддержку Ленина. Однако просчитался. На этот раз Ленин остался не просто глух к призыву Троцкого, но дал прямо противоположную оценку его позиции на пленуме ЦК партии 9 ноября, куда были перенесены разногласия, возникшие на заседании фракции профконференции.

Ленин решительно поддержал председателя ВЦСПС Томского и других профсоюзных лидеров, выступивших

[13] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 235.

против внесенного на рассмотрение ноябрьского пленума ЦК Троцким проекта тезисов «Профессиональные союзы и их дальнейшая роль». Большинством в один голос (8 против 7) его тезисы были отвергнуты, а принята резолюция Ленина (10 голосами против 4 — Троцкого, Рыкова, Крестинского и Андреева, при одном воздержавшемся — Преображенском). В резолюции защищались «здоровые формы милитаризации труда» и осуждалось «вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, самодурство, казенщину» и т. д. Цектрану было указано «принять более деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах»[14].

Резолюция ноябрьского пленума ЦК не была принята троцкистским большинством Цектрана. Это обернулось на Всероссийском совещании цектранистов в начале декабря острым конфликтом между троцкистами и водниками, а также частью Цектрана, которая поддержала водников, потребовавших изменить формы работы отраслевого профсоюза, реорганизовать его руководящие органы, в частности упразднить Главполитпуть и Главвод. Не получив поддержки, водники покинули совещание. Конфликт в Цектране после его предварительного рассмотрения профсоюзной комиссией ЦК партии, также был вынесен на пленум ЦК РКП(б) 7 декабря. На этот раз Ленин и его сторонники остались в меньшинстве. Была принята резолюция «буферной группы» во главе с Бухариным, пытавшейся примирить сторонников Ленина и Троцкого, но фактически поддержавшей троцкистов.

Дискуссия набирала обороты. Поддержанный частью членов ЦК, Троцкий развил инициативу. 24 декабря на собрании профсоюзных активистов и делегатов VIII Всероссийского съезда Советов, организованном бюро фракции РКП(б) Цектрана, Троцкий выступил с докладом «О задачах профессиональных союзов в производстве». На следующий день вышла его брошюра-платформа «Роль и задачи профессиональных союзов». Формально Троцкий имел право на опубликование своей платформы, поскольку ЦК на пленуме 24 декабря принял решение о свободе внутрипартийной

---

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 236.

дискуссии. Но, как писал Ленин, «с точки зрения революционной целесообразности, это было уже громадным преувеличением ошибки, *созданием фракции* на ошибочной платформе»[15].

30 декабря в Большом театре на объединенном заседании коммунистической фракции РКП(б) VIII съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС сошлись в очном поединке представители двух главных противоборствующих групп: ленинской «платформы десяти» и троцкистской. С докладами от этих групп выступили Троцкий и Зиновьев. С содокладами — Бухарин, Шляпников, Ногин и Рязанов. Большую речь «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого» произнес Ленин, которая в 1921 г. вышла в Петрограде отдельной брошюрой.

В своей речи Ленин сформулировал главный пункт разногласий с Троцким. Споры о месте, роли и функциях профсоюзов оказались только поводом и следствием более коренного противоречия: «...по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой. В этом вся суть»[16]. Ленин, хотя и не использовал термин «троцкизм» (он лишь однажды в ходе дискуссии применил его по отношению к стороннику Троцкого, «видному цектранисту» тов. Бумажному), но подверг резкой критике ошибочные установки его идеологии и практики: «Итог: в тезисах Троцкого и Бухарина есть целый ряд теоретических ошибок. Ряд принципиальных неверностей. **Политически весь подход к делу** (подчеркнуто мною. — *Н. В.*) есть сплошная бестактность. «Тезисы» т. Троцкого — политически вредная вещь. Его политика, в сумме, есть политика бюрократического дергания профсоюзов. И наш партийный съезд (X съезд. — *Н. В.*), я уверен, эту политику осудит и отвергнет»[17].

12 января на Пленуме ЦК РКП(б) 8 голосами против 7 (Троцкий, Бухарин, Крестинский, Дзержинский, Серебряков, Преображенский и Андреев) было принято решение о полной свободе дискуссий для всех организаций и выборов на съезд по платформам. В печати одна за другой появляются платформы: «десяти», «ра-

---

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 237.
[16] Там же. — С. 206.
[17] Там же. — С. 226.

бочей оппозиции», «демократических централистов», «буфера», Троцкого и других.

Борьба «внизу» первоначально проходила с переменным успехом. Например, в Петрограде она сразу приобрела антитроцкистский характер. 3 января 1921 г. на общегородском собрании всех районов после доклада Зиновьева и содоклада Бухарина почти единогласно было принято обращение «Ко всем организациям РКП(б)». В нем отмечалось, что действительное расхождение с Троцким заключалось не в проповедовавшейся им необходимости усиления роли профсоюзов на производстве и их постепенном «сращивании» с органами хозяйства. Это признавалось всеми. Коренное разногласие состояло в том, что «т. Троцкий и его группа пытаются «перетряхивать» профсоюзы сверху и фактически вплотную подходят к уничтожению профсоюзов». Такой подход вполне мог бы обернуться расколом и разрывом РКП(б) с профдвижением. «А это было бы чревато губительными последствиями для судеб нашей революции». Наряду с ленинской статьей «Кризис в партии» обращение питерцев сыграло немаловажную роль в переломе настроений во всей партии в пользу «платформы десяти». Хотя перелом этот произошел не сразу.

Обращение вызвало протест Московского комитета РКП(б), стоявшего тогда на «буферной» платформе. В «Правде» 13 января была опубликована принятая на заседании МК (14 голосами против 13) резолюция, в которой не опровергался, по существу, ни один из критических тезисов обращения по поводу троцкистской платформы, но осуждалась тенденция «Петроградской организации превратиться в особый центр по подготовке партийного съезда».

С критикой обращения выступил и Троцкий. 15 января «Правда» напечатала его «Ответ петроградским товарищам». Данная в обращении характеристика разногласий между платформами — троцкистской и «десяти» — квалифицировалась как «совершенно несостоятельная», а трактовка положения в профдвижении и его взаимоотношений с РКП(б) как в «корне неправильная».

Однако критика эта практического воздействия на настроения партийной массы не возымела. Во второй половине января становится ясным, что по-

давляющее большинство партийцев отдает предпочтение «платформе десяти», или, как тогда говорили, «десятке». «Переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу, — отмечал Ленин.— Большой шаг вперед к оздоровлению»[18].

19 января в Петрограде на собрании коммунистов моряков Балтийского флота из 3500 его участников 90% высказалось за «десятку». И это при том, что в подготовке собрания активное участие принимал сторонник троцкистской платформы командующий Балтфлотом Ф. Ф. Раскольников, а на самом собрании с докладом выступил Троцкий. Всего в Петроградской организации из 30 940 участвовавших в собраниях коммунистов 29 457 поддержали «платформу десяти». Сторонники всех других платформ вместе собрали 4% голосов.

27 января на общем собрании Иваново-Вознесенской организации «платформа десяти» была принята 900 голосами против 27, поданных за объединенные тезисы Троцкого—Бухарина. После такого итога голосования выступавшие с содокладами от троцкистско-бухаринской платформы Ю. Ларин, а также от своей платформы В. Ногин присоединились к «десятке». Московская губернская конференция поддержала «платформу десяти» 217 голосами, за платформу Троцкого—Бухарина голосовало 52 человека, за «рабочую оппозицию» — 45, за группу «демократического централизма» — 13. Аналогичные или близкие к этим результаты были и в других партийных организациях страны.

Показательны и такие факты. В Екатеринбургском губернском комитете РКП(б) и Уральском бюро ЦК РКП(б) большинство их членов выступило за платформу Троцкого—Бухарина. Прибывший на Урал Троцкий с помощью своих сторонников из партийного и военного руководства развернул активную деятельность. При этом дискуссия велась с нарушением внутрипартийной демократии. До партийных масс доводились главным образом выступления Троцкого и Бухарина. С ленинскими же статьями — «Кризис в партии», «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», материалами ЦК, включая «платформу десяти»

---

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 239.

рядовые члены партии были практически не ознакомлены. Они не пропагандировались и не распространялись.

Тем не менее, несмотря на одностороннюю протроцкистскую агитацию партийных верхов региона, большинство Екатеринбургской партийной организации высказалось в поддержку «десятки». 9 февраля на общегородской партийной конференции за «платформу десяти» голосовало 160 делегатов, платформу Троцкого—Бухарина — 37, «рабочей оппозиции» — 8. Ситуация повторилась и на состоявшейся 18—22 февраля V Екатеринбургской губернской конференции, где с докладами выступили: от «десятки» Тунтул, Троцкий со своей платформой и от «рабочей оппозиции» — Шур. В губком РКП(б) прошли сторонники Ленина.

Выходило, что Троцкий и поддержавшие его шесть членов ЦК на пленуме 12 января не напрасно выступали против свободы дискуссии в партии и выборов на X съезд по платформам. Видимо, уже тогда они не надеялись на успешный для себя исход борьбы, принявшей открытый принципиальный характер, когда каждый член партии, а не только ее руководящий слой, был поставлен перед конкретным выбором дальнейшего пути и методов строительства нового общества. Дискуссия приобрела не локальный, замкнутый характер по частным вопросам хозяйственного развития, а массовый, политический по преимуществу смысл.

Сомнения Троцкого в ее результатах подтверждаются и таким фактом. На Пленуме ЦК 12 января он вторично за последние два года обратился с заявлением об отставке его с поста Наркомвоенмора. Тем самым он решил проверить ЦК на лояльность к нему лично как одному из высших руководящих лиц в партии и государстве. Пленум ЦК и на этот раз не удовлетворил его просьбу. В принятом решении говорилось: «ЦК выражает свое глубокое убеждение в крайнем вреде для Республики, который мог бы последовать от отказа тов. Троцкого от звания Наркомвоена и просит его остаться на этой должности и взять на себя доклад на X съезде» [19] (о военном положении. — *Н. В.*).

Как видно из решения, логика отказа была все той

---

[19] Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 2, д. 55, л. 5.

же, что и после заключения Брестского мира, а затем в разгар гражданской войны: выход любого лица столь высокого, как Троцкий, ранга из руководящего ядра неминуемо повлек бы за собой углубление конфронтации, чреватой расколом этого ядра и возможностью его повторения на других, более низких уровнях партийного и государственного управления.

Эта логика нашла свое развитие и в решениях X съезда РКП(б), который состоялся в марте 1921 г. В отчетном докладе, выступлениях по другим вопросам, прежде всего в речи о профсоюзах, Ленин хотя и подвел в весьма резких выражениях итоги дискуссии («...в истории партии мы таких шатаний забывать не должны», — говорил он, в частности), в отношении Троцкого и его близких сторонников постарался сохранить взятый им ранее сдержанный, даже когда речь заходила об оценке допущенных ими принципиальных ошибок, тон, Ленин употребляет несвойственные ему выражения и словечки. «Троцкий вежливо полемизировал со мной...», — говорил Ленин. Он же, Ленин, по его словам, был лишен такой возможности. «Напротив, — продолжал Ленин, — мне придется говорить о моем неосторожном друге...», «тов. Троцкий смеется теперь» и т. п.[20]. Видный цектранист А. Гольцман, который в ноябре 1920 г. на V Всероссийской конференции профсоюзов требовал «беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад», «применять тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые не способны понять наши тенденции», теперь напоминал Ленину, по его же словам, «собой нечто милое»[21].

Что это, ирония, мастером которой, несомненно, был Ленин? Желание таким способом еще больнее ударить по самолюбию оппонентов? Не исключено, что и это имело место. Но, думается все-таки, что таким методом, пусть и необычным, используя двусмысленные определения и намеки, Ленин страстно стремился разрядить атмосферу на съезде, накаленную не только личным соперничеством противоборствующих сторон, но и разразившимся к тому времени социально-экономическим

---

[20] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 55, 52, 53.

[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 53.

кризисом, крайней степенью выражения которого явился Кронштадтский мятеж. Это с одной стороны. А с другой — судя по всему, Ленин исподволь подготовлял съезд к восприятию действительно новаторской, во многом изменявшей установившийся в партии взгляд на строительство социализма, новой экономической политики.

Чрезвычайно показательна примененная Лениным тактика смены политических акцентов в деятельности партии, а вслед за ней и отношения к ее лидерам. И это несмотря на то, что ни Троцкий, ни сторонники других платформ не пожелали по достоинству оценить шаг Ленина навстречу им! Троцкий весьма грубо и нелицеприятно для Ленина продолжал «чехвостить» «платформу десяти». В своей речи на съезде он вновь назвал ее «несостоятельной», «бесформенной», заявляя, что она «компрометирует партию». Не пожелал Троцкий и разделить вместе с Лениным ответственность за развязанную дискуссию. Он обвинил Ленина в проведении методики «двух комнат» в Центральном комитете, когда представители разных платформ расходились для выработки решений «по разным комнатам». «...Я тут утверждаю, — говорил Троцкий, — что у нас в этом отношении перед партией, несомненно, меньше грехов, чем у противной стороны: мы делали все, что могли, чтобы оздоровить эту дискуссию. И если Ленин говорит, что с той и другой стороны был грех, то я отвечаю: неодинаковый».

Приведенные слова Троцкого неплохо было бы взять на заметку не только сегодняшним любителям порассуждать о его «добродетелях» и «ангельском» характере, но и вообще читателям, ибо в этом ярко проявилось (и не раз проявлялось впоследствии) характерное для него стремление переложить ответственность за содеянное с себя на других, даже если это были Ленин, ЦК партии. И оно родилось в Троцком не на рассматриваемом этапе, не вдруг и не случайно. То, что было свойственно ему еще с дооктябрьских времен — тенденция к групповщине, сколачиванию блоков сторонников, скрепленных принципом личной преданности ему, нежелание умерить свои амбиции ради общепартийного дела и т. п. — оставалось в нем на протяжении всей его политической карьеры. Оно осталось в Троцком неистребимым компонентом стиля его политического поведе-

ния, чрезвычайно обострявшим ситуацию в руководящем слое партии, вносившим дополнительную нервозность в работу Политбюро, ЦК, вверенного ему наркомата.

Видел ли все это Ленин? Бесспорно. В брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» Ленин с плохо скрываемым возмущением писал: «...один член Цека остается *одним из 19*, который подбирает себе группу вне Цека и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает, как с «платформой», предлагая партсъезду «выбирать между *двумя* тенденциями!!» Пример подобного рода деятельности, которой совместно с Троцким занимался также и лидер «буферной группы» Бухарин, Ленин прямо назвал сортом худшей и вреднейшей фракционности[22].

Негодование Ленина по поводу проводившейся Троцким тактики групповщины и формирования в партии собственного кадрового ядра еще более наглядно проявилось на X съезде РКП(б). При всем стремлении Ленина не дать захлестнуть себя эмоциями он все-таки не удержался и бросил фразу, вызвавшую, как мы видели выше, фонтан ответных обвинений Троцкого: «И когда об этом говорит Троцкий (речь шла о снятии им с себя ответственности за срыв работы комиссии ЦК по профсоюзам и провоцировании таким образом внутрипартийной дискуссии. — *Н. В.*), от этого получается не спор, а трясение партии и **озлобление** (подчеркнуто мною. — *Н. В.*), бывают крайности, — тов. Троцкий употребил выражение «осатанение»[23].

Разумеется, Ленин не только наблюдал за Троцким, но и своевременно принимал соответствующие политические меры с целью предотвратить распространение «озлобления» или «осатанения» в партии вследствие деятельности троцкистских кадров. А о наличии таковых говорилось на съезде во многих выступлениях. Вот, например, слова из речи А. Г. Шляпникова: «Троцкистов там (на одном из предсъездовских собраний. — *Н. В.*) было совсем мало... были ленинцы». Г. Зиновьев, охарактеризовав Троцкого как блестящего стилиста, обращаясь к нему и его сторонникам, заявил: «Товарищи-

---

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 266.
[23] Там же. — Т. 43. — С. 53.

троцкисты». Именно так, через дефис. Очевидно, и у Ленина, когда он назвал цектраниста Бумажного «троцкистом», этот термин был не просто случайно сорвавшимся с языка «ругательным словом», а определял политическую принадлежность данного деятеля. К слову сказать, ни на предсъездовской дискуссии, ни в ходе самого съезда, ни после него Троцкий почему-то и не подумал возмутиться этим термином, как он стал это делать впоследствии, начиная с 1923 г.

Ленину и его сторонникам, несмотря на бурные дебаты, удалось удержать съезд в приличествующих большевистским традициям рамках и предотвратить наметившееся было размежевание по платформам. Не только для Ленина, но и для многих партийцев стала предельно ясной опасность фракционности, вытекавшая из разделения партии по платформам. Не зря, скажем, весьма острый на язык Рязанов заметил: «...недостаток съезда — его платформенность». И хотя все главные закоперщики этой «платформенности» были избраны в ЦК, для них эти выборы могли послужить предметным напоминанием о том, что с единством партийных рядов не шутят.

Из 479 делегатов, принявших участие в голосовании, только за Ленина были отданы все 479 голосов. Троцкий получил 452 голоса, пропустив вперед 8 человек, в том числе таких малоизвестных до съезда, но активно защищавших в дискуссии «платформу десяти», как Я. Э. Рудзутак, Н. П. Комаров и В. М. Молотов. В состав ЦК не были избраны работавшие до того секретарями ЦК сторонники троцкистской платформы Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский и Л. П. Серебряков. Вместо них в состав ЦК были выбраны В. М. Молотов, В. М. Михайлов и Е. М. Ярославский. Они и заняли должности секретарей ЦК. С этого момента Троцкий лишился какой-либо реальной возможности влиять на деятельность секретариата ЦК.

В ЦК не избрали активного проводника троцкистской политики в Сибири И. Н. Смирнова. Зато в него вошли К. Е. Ворошилов — давний противник Троцкого еще по Царицынскому фронту, Г. К. Орджоникидзе, также неоднократно критиковавший деятельность председателя Реввоенсовета, и М. В. Фрунзе — наиболее влиятельный оппонент Троцкого в дискуссиях о военной доктрине Советской Республики.

Не в пользу Троцкого изменился и состав Политбюро. В нем из кандидатов в члены Политбюро был переведен Зиновьев, о ком Троцкий сказал на съезде как о руководителе, который «выступал все время как наиболее яркий представитель тезисов «десяти».

Существенная подвижка троцкистских кадров произошла на местах. Так, например, из Уральского бюро ЦК РКП(б) был выведен С. В. Мрачковский, в Сибири освободили от руководящих должностей И. Н. Смирнова, В. Н. Яковлеву, К. Х. Данишевского и других. Сходные процессы отмечались фактически повсеместно.

Так что не при Сталине начался процесс «вымывания» троцкистов или солидарных с ними членов партии, по крайней мере из ее руководящих органов, а при Ленине. И я полагаю, судя по масштабам этого процесса, он был не стихийным явлением, а руководимой Лениным практикой укрепления партийного руководства в центре и на местах. Выходит, Сталин лишь продолжил то, что начал Ленин. Повторяюсь, начал не вдруг и действовал не с кондачка, не в стиле импровизации.

Дискуссия о профсоюзах явилась не просто дискуссией, в ходе которой выяснялись спорные проблемы развития политической системы, места и роли в ней Компартии, ее взаимоотношений с другими структурными элементами этой системы. Точно так же это была дискуссия не только о методах руководства народным хозяйством страны. Она явилась формой борьбы не за власть, но за политическое лидерство, за перераспределение властных отношений в Политбюро, ЦК и шире — во всей партии. Не случайно Ленина так насторожила возможность передвижки власти, правда, по другому поводу — в связи с Кронштадтским мятежом, но, думаю, от сознания им этого «другого повода» легче не было.

СПОРЫ О НЭПЕ И СОГЛАСИЕ В УКРЕПЛЕНИИ ДИКТАТУРЫ

Дискуссия о профсоюзах, хотя и не привела к расколу между Лениным и Троцким, тем не менее значительно осложнила, или, по выражению Троцкого, «омрачила» их взаимоотношения. От прежней взаимной расположенности не осталось и следа. В эти месяцы труд-

но даже представить, чтобы кто-то из них мог бы в личной переписке употребить местоимение «ваш», как это запросто делалось обоими летом 1918 г. — «Ваш Ленин», «Ваш Троцкий»... Сократился и сам объем их переписки. Адресаты в лучшем случае обменивались записочками, не касавшимися сколько-нибудь крупных политических вопросов. «Мы оба были слишком революционеры и слишком политики, чтоб уметь или желать отделить личное от общего»[24], — констатировал Троцкий.

Настороженность во взаимоотношениях усилилась и в связи с неоднозначной оценкой Лениным и Троцким Кронштадтского мятежа. На первом же заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, Троцкий, имея в виду причины мятежа, бросил свою знаменитую фразу насчет «кукушки», которая, «если так будем хозяйничать... немного нам отсчитает годков»[25]. Позднее в редакции Сталина — Бухарина этой фразе был придан более определенный смысл, что «кукушка прокуковала конец Советской власти», и это свидетельствовало, мол, об изначальном «пессимизме» Троцкого в оценке перспектив социалистического строительства в Советской России.

Сомнения в устойчивости Советской власти высказывались тогда не одним Троцким. В докладе на X съезде 8 марта Ленин прямо заявил: «...Советская власть в силу экономического положения колеблется»[26], причем связывал он эти «колебания» именно с Кронштадтским мятежом. Позднее Ленин выразил эту мысль еще определеннее: «Экономика весны 1921 года превратилась в политику: «Кронштадт»[27]. Последняя фраза — из плана его брошюры «О продовольственном налоге», написанном в марте—апреле 1921 г. Все это так. Но все же полагаем, что Ленину, как и другим членам Политбюро, еще находившимся в плену азарта дискуссии о профсоюзах, вряд ли пришлись по вкусу откровенно брошенные Троцким слова о «конце» Советской власти. Тем более что всем им памятны были обстоятельства

---

[24] Троцкий Л. Моя жизнь. — Т. 2. — Берлин, 1930. — С. 197.

[25] Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. — Берлин, 1932. — С. 69.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 25.

[27] Там же. — С. 387.

дискуссии по Брестскому миру, когда Троцкий убеждал партию в том, что падение Советской Республики не приведет к таким катастрофическим последствиям, к каким привело падение Парижской коммуны.

Не исключено также, что из-за этих субъективных и иных, в общем-то привходящих, обстоятельств партийные руководители высшего звена поначалу попросту «проглядели» Кронштадт, а затем, как бы спохватившись, дали весьма превратную оценку самому мятежу, приняв чрезвычайно жестокие меры по его подавлению. Троцкий и Ленин сходились полностью, как они считали, в главном и основном: в необходимости уничтожить «скверну» в зародыше, не считаясь ни с обстоятельствами, ни с человеческими жертвами. Под руководством Троцкого и Тухачевского мятеж был потоплен в крови.

Кронштадтский мятеж, вопреки общераспространенному мнению, не был тем побудительным толчком, давшим ход новой экономической политике. Еще значительно раньше Ленин вынашивал планы будущего нэпа. 30 ноября 1920 г. он составил для Совнаркома проект постановления, в котором поставил задачу в течение недели «подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог». В течение следующих месяцев Ленина буквально осаждали крестьянские ходоки, чьи по-народному выразительные, афористически точные наказы собраны в 35-м Ленинском сборнике. Суть их, как нам представляется, метко выразил костромской крестьянин на проведенной Лениным неофициальной встрече с беспартийными крестьянами 22 декабря 1920 г.: «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет. Я дрова пилю из-под палки. Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя»[28].

8 февраля 1921 г., присутствуя на одном из заседаний Политбюро при рассмотрении вопроса весенней посевной кампании и положения крестьянства, Ленин набросал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян». Вот он-то, а не отвергнутый год назад ЦК РКП(б) проект Троцкого и явился первым документом, определившим новую экономическую политику в отношении союза рабочего класса с крестьянством, основы перехода от «военного коммунизма» к нэпу. Из

[28] Ленинский сборник. — XXXV. — С. 176—179; 190—193.

содержания его ясно видно, что, кроме терминологического сходства некоторых выражений, проект Ленина мало в чем был похож на проект Троцкого от февраля 20-го.

Были и попытки практического претворения намеченных мер перехода к нэпу. 14 февраля 1921 г., когда делегация крестьян мятежной Тамбовской губернии встретилась с Лениным, он не стал возражать, чтобы в губернии сняли досрочно продразверстку [29].

И таким образом, сделанный Лениным 15 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) доклад о замене продразверстки натуральным налогом как бы подводил итог его исканиям в плане вывода страны из кризиса и повышения эффективности общественного производства.

Как реагировал на все это Троцкий? Коротко говоря, никак. Позже, в 1927 г., в своем письме в Истпарт он возмущался «сталинскими фальсификаторами», которые пытались «изобразить дело так, будто я был против нэпа». Нет, против нэпа на его начальном этапе Троцкий ничего не говорил. И в этом он прав. Неправ Троцкий в другом, когда в этом же письме писал: «Переход к нэпу... вполне соответствовал всем выводам из моего собственного хозяйственного и административного опыта. Таково действительное содержание так называемой дискуссии о профсоюзах» [30].

Каким было это содержание, мы уже видели. В ходе дискуссии Троцкий яростно защищал политику «военного коммунизма». Не случайно, после принятия нэпа, он долгое время ничего внятного по поводу этой политики не говорил и не писал. Троцкий отмолчался на состоявшейся в мае 1921 г. X партконференции, экстренный созыв которой всего через два месяца после X съезда был продиктован необходимостью дополнительного обсуждения главного вопроса момента — о продналоге. Казалось бы, самое время и место было сказать свое веское слово в поддержку ленинской позиции. Не сказал. Может быть, потому, как заметил на конференции К. Б. Радек, «тов. Троцкий в продолжение последних двух месяцев посвящал все свои силы разработке вопросов экономического положения в Европе».

---

[29] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Изд. 3-е. — Т. 26. — С. 214.

[30] Троцкий Л. Как вооружалась революция. — Т. 3. — Кн. 1. — М., 1924. — С. 230.

Может быть. По крайней мере, насколько я могу судить по имеющимся в моем распоряжении источникам, публично, всегда легкий на подъем, когда дело касалось пропаганды импонировавших ему идей, Троцкий впервые стал упоминать о нэпе лишь с осени 1921 г. В посланном им в Киев 2 сентября «Привете Украинскому Правобережью!» говорилось: «Замена продовольственной разверстки налогом означает огромный поворот в жизни деревни. При разверстке крестьянину оставалось лишь строго необходимое, а все, что сверх того, отходило к государству. При налоге крестьянин отдает государству только строго определенную часть своего урожая; все остальное остается в распоряжении хозяина и его семьи. Введение продовольственного налога было целиком продиктовано интересами и нуждами крестьянского хозяйства»[31]. На таком, если можно так выразиться, ликбезовском уровне, Троцкий и в дальнейшем продолжал говорить о нэпе.

Хотя были и исключения. Одним из них явился доклад «Задачи Красной Армии», с которым он выступил перед командным и политическим составом Московского военного округа в театре Зимина 25 октября 1921 г. В нем Троцкий попытался осмыслить внешние и внутренние обстоятельства, в которых оказалась Советская Республика после окончания гражданской войны. «...Мы вошли в новую эпоху»[32], — констатировал он. Отличительными признаками этой новой эпохи Троцкий назвал два: вне страны — замедление темпа развития мировой революции, а внутри — крутой переход от хлебной монополии, от разверстки к продналогу и свободному рынку хлебных излишков.

В постановке Троцким вопроса явственно ощущается перекличка с ленинской идеей о двух условиях успеха социалистической революции: ее своевременной поддержки в одной или нескольких передовых странах и соглашении между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения[33].

---

[31] Троцкий Л. Как вооружалась революция. — Т. 3. — Кн. 1. — М., 1924. — С. 230.
[32] Троцкий Л. Там же. — С. 43.
[33] См.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 58.

Но были и отличия. Троцкий хотя и отдавал себе отчет в том, что борьба между буржуазией и рабочим классом во всех странах будет напряженной, длительной и ожесточенной, может продолжаться не год, не два, а если взять капиталистический мир в целом — десятилетия, с новыми попытками переворотов, с обострениями гражданской войны, с периодами успокоения и новым подъемом жестокой борьбы, не заметил внутренней противоречивости ситуации, которую Ленин уловил, пусть и не сразу. С введением нэпа первое из условий успеха социалистической революции — победа революции в одной или нескольких передовых странах, которая прямо не зависела от Советской Республики, — отодвигалась на второй план. А на переднем плане оказывалось второе условие — налаживание нормальных взаимоотношений с крестьянством. На этом концентрировались усилия Советской власти, поскольку реализация данного условия целиком зависела от ее собственной деятельности. Из подобной недооценки Троцким внутренней диалектики развития событий (кстати, такая недооценка была характерна не для него одного в тогдашнем руководстве) вытекала двусмысленная позиция и в отношении к нэпу.

«Новая эпоха», рассуждал Троцкий, открыла ворота мелкой торговле и концессионерам, сделала возможным изъятие из рук Советского государства значительной части не только мелкой, но и средней промышленности. «Мы вручаем буржуазии часть промышленности — мелкие и средние предприятия; мы ограничиваем свои собственные задачи организацией крупнейшей промышленности, — говорил Троцкий. — Мы сохраняем в наших руках то, что имеет, однако, важнейшее значение и в военном деле и в хозяйстве, — железные дороги и транспорт. Мы сохраняем в своих руках контроль над хозяйством в целом и затем будем вовлекать в состав государства, т. е. социалистического хозяйства, предприятия частные и получастные — по мере того, как мы укрепим свой крупно-промышленный плацдарм. Вот основная мысль» [34].

На данном этапе государство, как хозяин и промышленник, стало концентрировать свою деятельность на

[34] Троцкий Л. Как вооружалась революция. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 46.

гораздо более узком плацдарме, чем в период «военного коммунизма». К чему это может привести? Противники Советской власти истолковывают такой поворот как капитуляцию, отказ и даже крах коммунистической перспективы развития. Это, успокаивал Троцкий, конечно, не так. Но и радоваться такому повороту особенно нечего. «Было бы, разумеется, недостойным рабоче-крестьянской власти изображать это как победу, — резюмировал Троцкий. — Это есть отступление. Само же по себе это не есть ни поражение, ни победа»[35].

Знакомый мотив. В троцкистской формуле нэпа «ни поражение, ни победа» проявился рецидив Брестской позиции Троцкого «ни войны, ни мира». Поэтому нэп для него укладывался в «политику лавирования» между крестьянством и буржуазией. Пока нэп давал положительный результат, Троцкий был его, пусть и не столь уж активным, каким он хотел казаться сам себе позднее, но все-таки сторонником. Как только нэп начинал «барахлить», требуя дальнейшей корректировки курса в зависимости от изменявшихся конкретно-исторических условий, Троцкий тут же норовил «схватиться за пистолет», требовал надеть на нэп «намордник» диктатуры пролетариата. «...Мы, пролетарская партия, решаем, до каких пределов идти на соглашение с буржуазией: до сих пор, вот до этой черты, соглашение, а дальше — не прогневайтесь! — пулемет. Вот в чем разница (с трактовкой реформистами нэпа как «уступки» капитализму. — *Н. В.*). Пулемет у нас в руках, армия у нас в руках». И затем: «Мы идем на разные соглашения: с беспартийными рабочими у нас одно соглашение, с крестьянами — другое, с мелким торговцем — третье, с крупным торговцем, с концессионером у нас опять-таки особое соглашение — все разные соглашения, разные сделки, точно отмеренные. А ключ у кого в руках? У нас. Кто решает, до какого предела соглашение? Партия! Вот в чем суть»[36]. Это — цитата из заключительной речи Троцкого на 2-й конференции комячеек высших военно-учебных заведений 10 декабря 1921 г.

---

[35] Троцкий Л. Как вооружалась революция. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 46.

[36] Там же. — С. 87.

Строго говоря, Троцкий продолжал видеть в «военно-коммунистическом» устройстве общества, все сферы жизнедеятельности которого — от хозяйственной до личной — пронизывало бы государство диктатуры пролетариата, эталон общественного устройства. Критерий социалистичности, как мы говорим сегодня, для Троцкого по-прежнему определялся двумя показателями: степенью обобществленности производства и соответственно его всеобщим планированием и беспрекословным политическим господством пролетарского государства в лице его правящей партии. Поэтому он лишь соглашался терпеть нэп как хотя и временное, но неизбежное зло. Как только обстоятельства изменятся в лучшую для пролетариата сторону, как, считал Троцкий, будет возможно сразу же перейти к реализации идеи «всепланового всесоциалистического строительства, во всех концах и областях, на каждом квадратном вершке нашей территории»[37].

Подобный подход к нэпу был характерен для Троцкого и на протяжении 1922—1923 гг. Он 21 января 1922 г. писал Ленину: «Вчера я делал доклад на конференции молодежи (на Московской общегородской конференции рабочей молодежи. — *Н. В.*). Выступал молоденький меньшевик Гурвич[38], кажется, племянник Дана. Для меня совершенно выяснилось, что политически, агитационно вопрос стоит ныне так: означает ли перемена новой политики возвращение наше от социализма к капитализму или же использование капиталистических форм и методов для социалистического строительства. Я разъяснил молодежи вопрос, разумеется, во втором смысле. Гурвич утверждал, что мы вернулись к капитализму и что Ленин это открыто признал, говоря о государственном капитализме». И далее Троцкий добавлял: «Этот довод (о государственном капитализме), несомненно, производит известное впечатление. Думаю, что вам необходимо воспользоваться первым благоприятным поводом, чтобы разъяснить, в каком смысле, в каких пределах применим термин государственный капитализм в отношении к хозяйству рабочего государ-

---

[37] Троцкий Л. Как вооружалась революция. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 284.

[38] Л. М. Гурвич, активист созданного в 1920 г. меньшевистского Союза молодежи; он действительно был племянником известного меньшевика Ф. И. Дана.— *Н. В.*

ства, ставящего себе социалистические цели и использующего для этого товарное обращение и методы капиталистической калькуляции».

В тот же день Ленин ответил Троцкому короткой, но выразительной запиской. Он отмечал, что меньшевики усиливают «свою самую злостную агитацию» и что следует дать им немедленный отпор. По существу же затронутого вопроса, писал Ленин, «я думаю, что согласен с Вами. У меня теперь появляется желание написать статейку на темы, близкие к затронутым Вами». Сделать это сразу же за недостатком времени Ленин не мог, поэтому просил Троцкого немедленно пойти «в открытый бой в печати», назвать этого меньшевика, разъяснить «злостный белогвардейский характер его выступления» и обратиться «с внушительным призывом к партии подтянуться». После этого Ленин уточнил: «Термин «государственный капитализм», по моему мнению (о чем я неоднократно спорил с Бухариным), есть единственно правильный теоретически и необходимый, чтобы заставить косных коммунистов понять, что новая политика идет всерьез... что государственный капитализм в государстве с пролетарской властью может существовать лишь ограниченный и временем и областью распространения и условиями своего применения, способом надзора за ним и т. д.»[39].

Этот эпизод с обменом записками между Лениным и Троцким весьма показателен. Он свидетельствовал о том, что Троцкий полностью признал за Лениным право на лидерство, уступив ему пальму первенства в разработке теории и практических мероприятий по осуществлению практики нэпа. Все встало на свои места: Ленин давал указания, Троцкий выполнял их. Правда, в данном случае Троцкий «в бой» с меньшевиками не пошел и воздержался от выступления в печати на предложенную ему Лениным тему. Ленину самому пришлось рассмотреть вопрос о госкапитализме в докладе и заключительном слове на XI съезде РКП(б), состоявшемся в марте—апреле 1922 г.

Особое значение в этот период имел доклад Троцкого «Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции» на IV конгрессе

---

[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 130—131.

Коминтерна 13 ноября 1922 г. Причем Троцкий выступал сразу же после доклада Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Естественно, что присутствовавшими выступление Троцкого наряду с ленинским докладом было воспринято как программное на данном этапе деятельности РКП(б) и Коминтерна. Более того, учитывая, что состояние здоровья Ленина только-только улучшилось и он приступил к исполнению своих обязанностей, многими положение Троцкого в партии в целом оценивалось чрезвычайно высоко. Кое-кто даже был склонен видеть в нем «законного» преемника и продолжателя «дела Ленина». Уже в самом этом факте, о чем пока еще не говорилось вслух, но подразумевалось как нечто само собой разумевшееся, были заложены зерна будущего раскола в партийной верхушке и ожесточенной борьбы за власть.

В докладе Троцкий обстоятельно рассмотрел социально-экономические и политические предпосылки победы Красной Армии в гражданской войне, сделав акцент на «решимость» и «беспощадность» как универсальные средства успеха в борьбе двух классов — рабочих и буржуазии, рекомендовал другим компартиям именно эти средства заимствовать в их схватках с классовым противником. «...Такая беспощадность, — поучал Троцкий, — и есть высшая революционная гуманность — уже потому, что, обеспечивая успех, она сокращает тяжелый путь кризиса».

При нэпе, рассуждал Троцкий, так же, как и при «военном коммунизме», идет напряженная борьба между «теми же врагами: рабочим государством и капитализмом, но не на военном поле, а на хозяйственной арене». Борьба эта ведется за влияние на крестьян, и так же, как в годы гражданской войны, все зависит от того, за кем они пойдут. Поэтому важно точно рассчитать соотношение сил и средств борьбы — своих и противника.

В активе Советской власти, по Троцкому, находились: 1) государственная власть; 2) важнейшие производительные силы страны: транспорт, добывающая промышленность, подавляющее большинство предприятий обрабатывающей промышленности и другие; 3) земля, состоявшая в собственности государства; 4) монополия внешней торговли. «Таковы, — заявлял Троц-

кий, — орудия и средства социалистического строительства».

Чем располагал противник? Свободой торговли и, следовательно, возможностью «накапливать капиталы», проникать в промышленность, брать в аренду предприятия, получать от них доход. Но эта возможность ограничена тем, что Советская власть не допускала капитал в «святая святых» экономики — в отрасли, обеспечивавшие ей командные высоты в народном хозяйстве. «Главные козыри, — отмечал Троцкий, — явно на нашей стороне — за исключением одного, очень существенного: за спиною частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал. Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли наш зарождающийся социализм, хозяйничающий еще капиталистическими средствами, закуплен мировым капиталом?»

И на этот вопрос Троцкий отвечал в позитивном для Советской Республики плане. Мировой капитал не сможет «закупить социализм» по той простой причине, что власть находится в руках рабочего класса, внешняя торговля монополизирована. Мировой капитал, конечно, пытается пробить брешь в этой монополии, но это ему не удастся сделать. «...Никакой капитуляции перед капитализмом с нашей стороны нет и не будет», — завершил свой доклад Троцкий под «горячие, долго не смолкающие аплодисменты».

Несомненно, доклад Троцкого — звездная вершина в его политической карьере в период после гражданской войны. Более высоко с точки зрения вклада в теоретическое осмысление «нэповского этапа» в развитии страны он не поднялся. Правда, можно назвать еще один его доклад — на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., где Троцкий дал превосходный, один из лучших для того времени анализ перспектив развития народного хозяйства страны именно на базе принципов нэпа: хозрасчета, экономии и бережливости, повышения производительности труда на основе внедрения в производство технических разработок, лучшей его организации и т. д. Но в целом же с позиции оценки нэпа выступление на IV конгрессе Коминтерна — его пик.

Не случайно, обычно чрезвычайно сдержанный на похвалы, Ленин дал высокую оценку докладу Троцкого. Буквально на следующий день после доклада в письме

русской колонии в Северной Америке он отмечал: «Тех, кому вопрос о нашей новой экономической политике, единственно правильной политике, представляется недостаточно ясным, — я отсылаю к речам тов. Троцкого и моей на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, посвященным этому вопросу»[40]

Правда, в более узком кругу реакция Ленина на доклад Троцкого была несколько иной. 25 ноября Ленин продиктовал по телефону записку для Троцкого (копии — Зиновьеву, Бухарину, Радеку, Сталину и Каменеву, т. е. тем, кто был непосредственно причастен к разработке стратегии и тактики Коминтерна), где, повторив свою ранее высказанную высокую оценку тезисов Троцкого, как он назвал доклад, заметил, что «небольшая часть пунктов мне показалась спорной»[41].

Ленин не назвал, какая именно часть тезисов Троцкого и почему его не устраивала. И думается, не только из деликатности, не потому что не желал задеть лишний раз самолюбие Троцкого, чрезвычайно болезненно реагировавшего на любую критику. Нет. Видимо, уже тогда Ленин видел, с какой ревностью другие руководители следили за его отношениями с Троцким. Потому он и послал копии этой записочки указанным выше лицам. Но потому и не сказал, в чем ему тезисы Троцкого показались спорными, чтобы не дать повода к ненужной в данном случае полемике. Ведь Ленин был согласен с Троцким в главном: изображении нэпа как формы «мирной» классовой борьбы. Наверняка, если судить по ленинскому «завещанию», написанному спустя всего месяц после доклада Троцкого, Ленина не устроил в этом докладе воинственный настрой его автора к перспективам нэпа, стремление покончить с ним при удобной возможности и вернуться к «нормальному» социалистическому, т. е. внерыночному экономическому строительству при диктате государства пролетариата. Но это из области предположений. Оберегая самолюбие Троцкого, точнее, беспокоясь о единстве Политбюро, Ленин не раскрыл суть своих расхождений с Троцким по поводу нэпа.

Не прояснил ситуации и сам Троцкий. Среди относящихся к 1927 г. подготовительных материалов новых

---

[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 297.
[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 314.

глав воспоминаний о Ленине, которые хранятся в Центральном партархиве, мною найдена машинописная запись Троцкого: «Письмо Ленина перед IV конгрессом по поводу моих тезисов о нэпе. Рассказать, в чем были разногласия»[42].

К сожалению, Троцкий так и не рассказал об этом. Более того, вся приведенная запись была присущим ему росчерком несколько раз перечеркнута синим карандашом. В 1927 г. Троцкий еще менее, чем Ленин в 1922 г., был заинтересован в обнародовании своих расхождений с Лениным по такому ключевому вопросу, каким был вопрос о судьбах нэпа в СССР.

Занятая Троцким позиция осенью — зимой 1921 — зимой — весной 1922 г. резко изменила в лучшую сторону отношение к нему Ленина. Значительно возросла «метель» ленинских писем, записок, распоряжений, просьб и обращений в его адрес. Вот, например, одна из них, датированная 26 декабря 1921 г., но не включенная в ленинское Полное собрание сочинений, хотя отголосок этой записки легко обнаруживается по помещенному в 54-м томе (№ 167 от того же 26 декабря) ответу Троцкого на нее. Ленин писал: «Тов. Троцкий. Я сижу на собрании беспартийных (на совещании с беспартийными крестьянами. — *Н. В.*) с Калининым. Он советует сделать небольшой доклад по той резолюции (проект «Наказа по вопросам хозяйственной работы», выносимый на рассмотрение IX Всероссийского съезда Советов. — *Н. В.*), которую я предложил (и к которой Вы внесли дополнение о спецах, вполне правильное). Не взяли ли бы Вы на себя небольшой доклад по этой резолюции в среду? на Пленуме Съезда? Ваш военный доклад у Вас, конечно, готов и Вы его кончите во вторник? Мне сейчас второй еще доклад взять на Съезде невозможно. Черкните два слова или дайте телефонограмму: если Вы согласитесь, будет лучше всего, и по телефону можно подтвердить это голосованием П-Бюро. Ленин»[43].

Воспроизведя записку в своем письме в Истпарт, Троцкий сделал такое обобщение: «Солидарность по основным вопросам социалистического строительства бы-

---

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 29; Троцкий, очевидно, перепутал даты, так как телефонограмма Ленина была послана ему, когда конгресс Коминтерна еще не закончил работу.— *Н. В.*

[43] The Trotsky papers. — Vol. 2. — P. 654.

ла так полна, что Владимир Ильич считал возможным поручить мне сделать по этим вопросам доклад вместо него. Помню, я по телефону убеждал его выступить по столь важному вопросу самому, если только состояние здоровья ему это позволит. Так в конце концов и было сделано»[44].

Насколько велика была «полнота» этой солидарности, мы уже знаем. А вот то, что Троцкому вновь удалось завоевать расположение Ленина, — это факт бесспорный. Подтверждением служит не только приведенный документ, но и в еще большей степени — другой, который появился одновременно в апрельских номерах за 1990 г. двух печатных органов — «Известий ЦК КПСС» и «Нашего современника». Речь идет о ленинском письме В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК от 19 марта 1922 г. о так называемом шуйском происшествии.

В связи с небывалым голодом, поразившим Советскую Республику (Поволжье и другие районы страны), в стране возникла чрезвычайная ситуация. Советская власть была вынуждена мобилизовать все средства до последней копейки, чтобы хоть как-то облегчить участь голодающих. Встал вопрос и об участии во всенародной помощи им церкви. Однако в этом деле были допущены ничем не оправданные крайности. На страницах печати была развязана ожесточенная антицерковная кампания. Так, в «Известиях» под рубрикой «Борьба с голодом» появилось несколько статей, рассказывавших о богатствах церкви, «черствости» ее иерархов, в том числе и самого патриарха Тихона, которого некий «Н» в номере газеты от 1 февраля 1922 г. назвал «былым помещиком-крепостником». Этот же «Н», представившийся выходцем из тульских крестьян, а теперь являющийся служащим Центросоюза, писал: «Авторитет Тихона, как и всего духовенства, пал, в церкви должна произойти тоже революция...» В других номерах газеты пропагандировался «опыт» Петра I и Екатерины II, австрийского императора Иосифа и других по изъятию церковных ценностей.

Причем обращает на себя внимание, что в основном велась пропаганда против Православной церкви. И это, несмотря на то, что отношение ее руководства к вопросу

---

[44] Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. — С. 68.

о борьбе с голодом резко отличалось от позиции руководителей других церквей. Так, например, в беседе с корреспондентом «Известий» московский декан католиков П. П. Зеленский «проявил полную инертность в деле помощи голодающим», раввин Я. М. Мазе заметил, что помогать надо, однако что касается драгоценностей, то «таковых в еврейских синагогах не имеется. Без помощи извне мы ничего сделать не сможем»[45].

Патриарх Тихон разъяснял прессе, что православные верующие по его призыву уже начали добровольный сбор средств в помощь голодающим, в том числе и драгоценностей из церковных фондов.

Печать фактически заняла провокационную позицию, подстрекавшую трудящихся на «инициативу снизу». Те же «Известия», например, писали, что в России имеется 4 лавры, до 800 богатейших монастырей, более 60 тыс. соборных и других храмов. И далее следовал вывод-призыв: «Если все принадлежащие им ценности обменять на хлеб, то Поволжье и другие голодающие округа можно обеспечить питанием в течение двух лет. На эти же ценности можно открыть 1500 агрономических школ, закупить 3000 тракторов и других сельхозмашин или столько засухоустойчивых семян, сколько хватило бы для всей России на 10 лет».

Однако трудящиеся не торопились следовать инструкциям «Известий» и других советских органов печати. Скорее наоборот. После того как власти на основании декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. начали изъятие церковных ценностей, население встретило их действия в штыки.

Простые люди, «не обремененные государственным мышлением», были ближе к жизни и истине, чем самые выдающиеся вожди революции. Они душой понимали, что, как ни было бы тяжко народу, какие бы ни происходили чрезвычайные события, есть вещи, которые нужнее хлеба и выше смерти, — это святость и вера народная, порушить которые не дано никому. Именно подобными помыслами руководствовалась и та самая «толпа», не позволившая 13 марта комиссии Шуйского исполкома, конфисковавшей до этого ценности в трех небольших церквах, изъять их и из головного городского собора. 15 марта при повторном сопротивлении ве-

---

[45] См.: Известия. — 1922. — 15 марта.

рующих против них были брошены конная милиция и войска: 4 человека были убиты, 10 ранено. Только после этого были выданы 3,5 пуда серебра, а затем реквизировано еще 10 пудов серебра и драгоценных камней, принадлежащих собору.

Ленин события в Шуе поставил в один ряд с якобы подготовлявшимся «сопротивлением черносотенного духовенства» изъятию ценностей и в других районах страны, в частности в Петрограде, из чего заключил о наличии среди церковных деятелей «заговора». Ввиду этого Ленин в письме на имя секретаря ЦК РКП(б) Молотова от 19 марта 1922 г. внес в Политбюро предложение «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»[46].

Руководство этим сражением Ленин предложил поручить Калинину официально, и Троцкому, который бы должен был держаться в тени, но фактически являться организатором всей операции, поскольку именно он был Уполномоченным Совнаркома по учету и сосредоточению церковных ценностей. К тому же к этому времени Троцкий уже обладал «опытом» по изъятию вместе с Х. Раковским ценностей Киево-Печерской лавры, а также когда он возглавлял комиссию в составе Базилевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой, Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова по экспроприации богатств московских храмов.

Именно Троцкий постоянно настаивал в Политбюро на интенсификации изъятия ценностей из православных храмов. 11 марта 1922 г. он писал: «Членам Политбюро, Т.т. Ленину, Молотову, Каменеву и Сталину. Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась, ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями Президиум ВЦИК создал свои комиссии — из представителей Помгола, представителей Губисполкомов и Губфинотделов». В связи с этим Троцкий предлагал передать руководство этим делом специально созданной в Москве «секретной ударной комиссии в составе: председатель — т. Сапронов, члены: т. Уншлихт (заместитель — т. Медведь), Самойлова, Землячка и Галкин». По замыслу Троцкого, эта

---

[46] Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 192.

комиссия должна была подготовить политическую, организационную и техническую стороны экспроприации церквей. «Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок... — торопил Троцкий членов Политбюро. — Повторяю, комиссия эта совершенно секретная. Формально изъятие в Москве будет идти непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы».

Не исключено, что и переписка с членами Политбюро, и массированная антицерковная кампания в прессе во многом подготовили Ленина, по крайней мере психологически, к написанию им цитированного выше письма от 19 марта. В письме Политбюро предлагалось послать в Шую одного из самых энергичных и распорядительных членов ВЦИК или представителя другого центрального органа власти, предварительно проинструктировав его одним из членов Политбюро (скорее всего, Троцким. — *Н. В.*). Посланцу поручалось арестовать в Шуе как можно больше, — не менее нескольких десятков, — представителей местного духовенства, мещанства и буржуазии по подозрению в сопротивлении декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. По выполнении поручения представитель центра обязывался немедленно доложить о результатах поездки на заседании Политбюро. После этого Политбюро должно было дать директиву судебным властям, также устную, о максимально быстром проведении процесса против «шуйских мятежников» с возможным привлечением к суду по этому процессу «черносотенцев» из Москвы и других духовных центров. «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше, — инструктировал Ленин. — Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»[47]. Страшное письмо. И — жутко подумать! — не из него ли Сталин в 30-е гг. черпал «вдохновение», планируя сценарии московских политических процессов, но уже не над духовенством, а над своими «товарищами по партии»?

План Ленина был беспрекословно принят. На засе-

[47] Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 4. — С. 193.

дании Политбюро 20 марта, на котором присутствовали Сталин, Каменев, Троцкий и Молотов, была сформирована комиссия, на следующий день выехавшая в Шую. На этом же заседании Политбюро был принят с некоторыми поправками предложенный Троцким проект директив по изъятию церковных ценностей по типу деятельности упомянутой выше комиссии Сапронова—Уншлихта. В соответствии с директивами изъятие церковных ценностей проводилось как широкомасштабная военная операция с участием в ней работников ГПУ, Наркомата юстиции, Ревтрибуналов, воинских частей и подразделений. Это был настоящий, неспровоцированный никаким «белым движением» массовый террор против священнослужителей и православных верующих. Целью его было, как видно из ленинского письма, не просто получение средств для закупки хлеба. Она была далеко идущей и заключалась в подрыве самих корней авторитета и влияния православной церкви.

8 мая 1922 г. в Москве состоялся суд над зачинщиками событий в Шуе, а скорее всего теми, кого комиссии из центра удалось арестовать. Суд приговорил 11 священников и других граждан к расстрелу, 4 — к 5 годам, 13 — к 3, 10 — к одному году заключения. Рассмотрев жалобу осужденных о смягчении их участи, Президиум ВЦИК заменил для шестерых приговоренных к расстрелу высшую меру наказания лишением свободы на 5 лет. Для остальных пятерых священнослужителей приговор не был отменен. 11 мая с просьбой о помиловании всех осужденных обратился вторично в Политбюро председатель Моссовета Л. Б. Каменев. Политбюро поручило Троцкому рассмотреть эту просьбу. Через три дня Троцкий представил свое мнение об отсутствии данных для смягчения приговора пяти приговоренным к смертной казни священникам.

Не исключено, что с ведома Ленина и при прямом участии Троцкого была продолжена травля патриарха Тихона. Косвенным свидетельством этого может служить почтотелеграмма Троцкого от 2 июня 1922 г. в Секретариат ЦК РКП(б) Сталину, а также Рыкову, Цюрупе и представителю Наркоминдела Карахану. В ней Троцкий предлагал немедленно ответить «на протест английских попов» — 9 человек во главе с архиепископом Кентерберийским и Йоркским Джоном Смитом — против, как говорилось в их послании на имя

Ленина, «преследования русской церкви в лице патриарха Тихона».

В почтотелеграмме Троцкий не столько информировал Секретариат ЦК и излагал просьбу, или, вернее сказать, поручение, данное ему Лениным, сколько стремился снять с себя ответственность за преследование Тихона. «Вопреки словам протеста, никакого нападения на церковь нет, — писал Троцкий, — а есть предъявление обвинения отдельным представителям церкви, в том числе и бывшему ее патриарху, в организации сопротивления мероприятиям Советской власти, которые производились в целях спасения жизни десятков миллионов человеческих существ, в том числе и детей». Далее Троцкий разъяснял, что «только немногочисленные элементы церкви, наиболее привилегированные и развращенные связью с царистской знатью и с капиталом, составляют группу бывшего патриарха Тихона».

В объяснениях Троцкого каждое слово имело значение. Упорно муссируя в письме социальное происхождение Тихона (из «царской знати»), он тем самым стремился восстановить против патриарха «эксплуатировавшиеся» им в прошлом трудящиеся массы. С другой стороны, называя Тихона «бывшим патриархом», Троцкий давал понять, с кем будет сотрудничать Советская власть — не с «бывшими», а с нынешними церковными «обновленцами» в лице Введенского и других, которые выступили за активное и открытое сотрудничество с властями. «Общественное мнение России примет к сведению, что протестующие английские церковные иерархи солидаризируются не с голодающими трудящимися массами России и даже не с большинством духовенства, — заверял Секретариат ЦК Троцкий, — а с ничтожными по численности иерархами церкви, шедшими всегда рука об руку с царями, бюрократией, дворянством, а ныне вступившими в прямую борьбу с властью рабочих и крестьян».

Пожалуй, даже и сегодня, не говоря уже о тех трагических днях 22-го, кто-то может подумать: что ж, борьба есть борьба, и в ней не до миндальничания. И тот, кто будет так судить, окажется неправ. Потому что в случае с изъятием церковных ценностей и ролью в этом изъятии патриарха Тихона все было далеко не однозначно негативно, как это следует из писем в Политбюро Ленина и Троцкого. По крайней мере заключи-

тельные строки из почтотелеграммы Троцкого о том, что «протест князей различных церквей Великобритании» продиктован «узко-кастовой солидарностью, целиком направленный против действительных интересов народа и элементарных требований человечности», выглядят абсурдными, даже принимая во внимание ультраклассовую оценку автором письма тех событий. Ибо варварское отношение властей к верующим, их вере, их храмам попирало их человеческое и гражданское достоинство, вступало в грубое противоречие с декларированными Конституцией РСФСР 1918 г. правами на свободу совести, вероисповедания и отправления культа. И нельзя не подчеркнуть, что меры по изъятию церковных ценностей явились не продуманной, а граничащей с экстремизмом, акцией Советской власти.

Описанные события, связанные с изъятием церковных ценностей, тщательно замалчивавшиеся вплоть до самого последнего времени, свидетельствуют о том, что, как и в годы гражданской войны, Троцкий вновь теснее всего сошелся с Лениным на почве репрессивной практики против явных и подозреваемых противников Советской власти. Девизом Троцкого вполне мог бы стать развивавшийся им в различных вариантах тезис: «У угнетенных трудящихся масс возмущение (угнетателями. — *Н. В.*) есть, но инстинкта и закаленной воли к власти, к истреблению врага нет, а есть способность слишком легко удовлетворяться достигнутыми результатами». Отсюда следовал вывод: «Трудовой человек «добр» в борьбе, это его несчастье. Доброта в борьбе есть величайшее преступление, которое приводит к лишним жертвам, ибо недоделанная борьба требует новой борьбы, как недорубленный лес вырастает вновь, так и недобитый враг вновь оживает и вновь требует борьбы. Беспощадность и непреклонность в борьбе есть высшая гуманность...»[48]

Исходя из этой своей «концепции добивания», Троцкий безоговорочно поддерживал «самые решительные меры», какие бы ни предлагались Лениным ли, кем-либо другим из тогдашнего Политбюро. Его мало заботили последствия. Складывается впечатление, что для Троцкого был важен сам процесс борьбы. «Революционер —

[48] Троцкий Л. Как вооружалась революция. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 49.

человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть»[49]. Трудно с определенностью сказать, был ли знаком Троцкий с этим ключевым определением сути «революционного характера», сформулированным в § 5 «Катехизиса революционера» Сергея Нечаева. Но то, что своей деятельностью он едва ли не адекватно претворял в жизнь именно этот «идеал», почти не вызывает сомнений.

Троцкий безоговорочно поддержал начавшийся в мае политический процесс над бывшей партией эсеров. Его инициатором, как известно, выступил Ленин. В знаменитом письме наркому юстиции Д. И. Курскому от 20 февраля 1922 г. (копии членам Политбюро) Ленин поставил в вину наркому и возглавлявшемуся им наркомату «неприспособленность» к условиям нэпа. Он требовал от руководства советской юстиции усиления «репрессии против политических врагов Совласти и агентов буржуазии (*в особенности* меньшевиков и эсеров)», обязательной постановки «ряда *образцовых* (по быстроте и силе репрессии; по *разъяснению* народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове (тогда столица Советской Украины. — *Н. В.*) и нескольких других важнейших центрах»[50].

Троцкий был не просто в «курсе дела», но и одним из тех, кто участвовал в «идеологическом обеспечении» ленинских предложений. 10 апреля 1922 г. в очередном письме членам Политбюро (копия Ленину) Троцкий писал: «Присоединяю еще такое предложение: обвинительный акт по делу эсеров должен иметь характер законченного политического произведения, с характеристикой всей деятельности партии. Он должен быть проредактирован Луначарским, Крыленко и Курским со всей тщательностью». Предложение Троцкого было принято. В окончательном формулировании обвинительного акта наряду с А. В. Луначарским и Н. В. Крыленко вместо Курского принял участие М. Н. Покровский.

---

[49] Родина. — 1990. — № 2. — С. 82.
[50] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 396.

Обвинительный акт был напечатан в «Правде» 2 и 3 июня, а 24 июня в этой же газете была опубликована статья Троцкого «Иллюзии и действительность». Троцкий в ней продолжил спор с «внеклассовой» оценкой действий Советской власти, и в частности процесса над эсерами зарубежной и доморощенной «буржуазно-соглашательской агитацией». Он опровергал тезис этой «агитации», будто эсеров судит оторвавшаяся от народа «коммунистическая олигархия». «Если бы возможен был суд национальной совести, набожно вздыхали кадето-октябристские лидеры — за границей и те, что у нас дома неожиданно выползли погреться под нэповским солнцем, — писал Троцкий, — тогда мы все приветствовали такой суд». С другой стороны, говорилось в статье, сами подсудимые «отводили трибунал, как суд партии, а не рабочего класса». Пришлось организовать «волеизъявление» пролетариата: 20 июня на крупнейших заводах Москвы прошли митинги и собрания, участники которых заклеймили подсудимых. Опираясь на эти выступления, Троцкий заключал свою коротенькую, но чрезвычайно выразительную статью: «Пролетарий сказал и показал, что это его суд».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЛЕНИНА?

В наше время в связи с переосмыслением идейного наследия Ленина особое внимание авторов и читателей привлекают его последние работы, в частности «Письмо к съезду», называемое нередко ленинским «завещанием». Этот интерес неслучаен. Кого Ленин видел в качестве своего преемника в партии и государстве? Высказываются разные мнения. Например, ленинградский профессор В. И. Старцев весьма категорично отстаивает точку зрения о том, что именно в лице Троцкого Ленин как раз и видел реального претендента на свое место. В. И. Старцев, к сожалению, кроме ссылки на заявление Ленина о том, что в тогдашнем ЦК Троцкий был самым интеллектуально подготовленным человеком, других сколько-нибудь веских аргументов в пользу этого своего утверждения не приводит. Однако тут есть над чем поразмыслить.

Весь 1922 г. Ленин и Троцкий действовали в тесном сотрудничестве. Наряду с Лениным Троцкий принял активное участие в разработке теоретических основ по-

зиции советской стороны и практической подготовке состоявшейся в апреле—мае 1922 г. Генуэзской конференции. Это также пока малоизвестный факт политической биографии тогдашнего наркомвоенмора. В январе рассматривался вопрос о главе советской делегации, в качестве которого предполагалась кандидатура Ленина. 7 января из Лондона полпред Л. Б. Красин и Я. А. Берзин дали на имя наркоминдела Г. В. Чичерина телеграмму: «Приезд Ленина в Италию считаю недопустимым ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов. Более приемлемым был бы Лондон. Тут можно обставить надежно, как приезд, например, в сопровождении Красина, так и проживание. Если не поедет Ленин, предлагать ли приезд Троцкого? Италия, конечно, тоже исключается».

Опираясь на это мнение, Ленин пишет Троцкому и Молотову для Политбюро записку «О поездке тт. Ленина, Троцкого в Италию (по телеграмме Красина)». В ней говорится: «Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева».

Записка показывает признание меры той ненависти, какую питали в отношении названных советских руководителей непримиримо настроенные круги эмиграции и зарубежной реакции. Но не только это. Она недвусмысленно определяет степень политической близости Ленина и Троцкого, дает отчетливое представление о своеобразной табели о рангах в руководстве: «кто был кем» и «кто за кем» стоял в нем. Наконец, вопреки более поздним интерпретациям внешнеполитических взглядов Троцкого в период Генуи, он в принципе не отрицал возможность сотрудничества с капиталистическими странами. Причем так же, как и Ленин, хотя и в значительно большей, чем он, степени, Троцкий свое неотрицание увязывал с перспективами развития мировой революции.

В интервью «Правде» 7 мая 1922 г. Троцкий, между прочим, заметил: «В Генуе спорят две формы собственности. Отдельные сделки между ними возможны, только не путем изменения принципов, а путем практических комбинаций, основанных на интересах обеих сторон. Если в Генуе задача не будет решена, экономическое положение Советской России в дальнейшем бу-

дет восстанавливаться гораздо медленнее, а экономическое разрушение Европы будет идти гораздо скорее».

Конечно, было бы весьма большой натяжкой в этих словах Троцкого искать теоретическое обоснование ставших десятилетия спустя общепринятыми принципов мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Но и не видеть готовности с его стороны к взаимным уступкам, компромиссам, пусть и обусловленным центральной идеей Троцкого в данный период — о замедлении темпа мировой революции, было бы несправедливо.

Даже при неудаче Генуи Троцкий не собирался отступать от изложенных выше принципов. «**Мы думаем работать и ждать,** — заявил он на страницах «Известий» 30 августа. — Европа и весь мир нуждаются в России не меньше, чем Россия нуждается в Европе. Поверхностность и авантюризм кое-каких государственных людей (не забудем, что это говорит «авантюрист» Троцкий! — *Н. В.*) будет означать новые жертвы и лишения, но неотразимые хозяйственные потребности проложат себе дорогу. Если нас «не признают» **эти,** то нас признают **другие,** которые придут им на смену». И ведь прав оказался — признали...

Выходит, что после неудачи польской кампании летом — осенью 1920 г. Троцкий вслед за Лениным также отказался от идеи экспорта революции в другие, в данном случае более развитые экономически, страны Европы? Не надо торопиться с выводами. В канун Генуи, когда Ленин напряженно обдумывал меры по практической реализации принципа мирного сосуществования, Троцкий обратился к нему 23 ноября 1921 г. с запиской. «Владимир Ильич, — писал он, — уже сейчас в партийно-военных кругах идет дискуссия по вопросу о военной доктрине. Думаю, что в последнем счете от дискуссии будет польза, но сейчас несут много ахинеи и отсебятины. В частности, против Красной Армии выдвигается обвинение о том, что в ее «военную доктрину» (вокруг этого напыщенного словечка и вертится весь спор) не входит идея наступательных войн». Далее Троцкий сообщал, что пишет на тему об этих войнах статью, в связи с чем и просил Ленина прислать ему все, что тот писал по данному поводу.

Ленин тут же откликнулся написанной от руки и опять-таки не нашедшей места в его Полном собрании

сочинений запиской: «Тов. Троцкий. Цельного, кажись, не было. Отрывочного много: б. [большей] ч. [частью] в «Против течения» (о «Разоружении», о «Крахе II-го Интернационала» и т. п.). Брошюрка «Социализм и война» (Женева, 1915 г.) и т. п. Напр[имер] с. 145, примеч.[аний] (2-ое изд.[ание])».

По дипломатичности ответа заметно, что Ленин не спешил вмешиваться в спор о военной доктрине. Это с одной стороны. А с другой, он, по моему мнению, говорил с Троцким о разных типах войн. Троцкий имел в виду «наступательную революционную войну» по примеру «польского похода». Ленин же — и об этом ясно свидетельствует предлагаемый им перечень его работ, в особенности «Социализм и война», — подразумевал войну освободительную, «войну угнетенных против угнетателей», как тогда любили выражаться. После фиаско в Польше Ленин вряд ли бы счел возможным участие Советской страны в чем-либо подобном. Троцкий же, как до войны с Польшей, так и после нее, остался верен милому его теории «перманентной революции» положению о возможности «осчастливить» навязанной извне революцией все человечество.

Ленин и в дальнейшем не раз обращался к Троцкому по вопросам экономического и социального развития Страны Советов. Весной 1922 г. в Политбюро развернулась жесткая борьба по вопросу о монополии внешней торговли. Бухарин, Пятаков и Сокольников выступили против ее сохранения. За ослабление монополии высказалась «тройка» — Зиновьев, Каменев и Сталин. Ленину стоило немалых усилий убедить «тройку» и других членов ЦК занять твердую и определенную позицию. И здесь, как мне представляется, не последнюю роль сыграло обращение Ленина к Троцкому с просьбой защитить его взгляды на монополию внешней торговли. В письме Сталину для членов ЦК РКП(б) Ленин сообщал: «...Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я...» [51]

Известна и одна из последних просьб Ленина к Троцкому.. Речь шла о так называемом грузинском деле. Суть его сводилась к резкой критике Лениным предложения Сталина, поддержанного Орджоникидзе и Дзержинским, о вступлении Грузии в состав Союза ССР

[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т 45. — С. 339.

на правах автономии. Ленин считал, что вхождение союзных республик и, в частности, Грузии в Союз должно осуществиться на основе равноправного объединения всех республик. Иначе говоря, Ленин предлагал не автономию, а федерацию как принцип устройства многонационального Советского государства.

5 марта 1923 г. через помощника секретаря СНК и СТО М. А. Володичеву Ленин направил Троцкому письмо с просьбой взять на себя защиту грузинского дела в ЦК партии. «Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия»[52].

На этот раз Троцкий, сославшись на болезнь, ответил отказом. В апреле он разослал всем членам ЦК РКП(б) письмо, в котором сообщалось, что Ленин обратился к нему с просьбой защитить грузинское дело. При этом Троцкий писал, что выражает согласие с Лениным по национальному вопросу и что в связи с этим им внесены в тезисы Сталина об автономизации поправки. Тут же Троцкий отмечал, что поскольку в данной ситуации затрагиваются интересы как минимум трех членов ЦК, постольку он просит у ЦК дальнейших указаний, как поступить: оглашать критику Лениным проекта Сталина или нет? При этом Троцкий добавлял, а точнее, предупреждал своих адресатов, что их несогласие с объявлением происшедшего им будет сочтено за молчаливое желание скрыть позицию Ленина и поэтому слагает с себя ответственность перед партией.

Впоследствии Троцкий пытался изобразить просьбы Ленина как своего рода стремление к созданию с ним антисталинского блока. Учитывая характер Ленина и как человека и тем более как политика, полагаю, что такого рода утверждения Троцкого не что иное, как явное преувеличение благосклонного к нему отношения Ленина в данный момент. Ленин не скрывал и всегда находил возможность, чтобы дать понять другим руководителям, что он думает относительно тех или иных их поступков. И если считал их ошибочными, то гово-

[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 54. — С. 329.

рил об этом открыто, «во весь голос», а не за их спиной, как получалось по Троцкому. Его намеки на какой-то совместный с Лениным «блок» не делают ему чести, не говоря уж о том, что бросают тень на самого Ленина.

Не может служить основанием для истолкования ленинского «завещания» в пользу Троцкого предложение Ленина стать его замом в Совнаркоме. Троцкий, как следует из его выступления на октябрьском (1923 г.) Пленуме ЦК РКП(б), отказался от предложения из-за своего «еврейского происхождения»[53]. Оно же было и причиной его отказа от предложений Ленина в ноябре 1917 г. занять пост наркома внутренних дел и даже председателя Совнаркома.

Дело было не в чьем-то «еврействе». Это со стороны Троцкого была неуклюжая отговорка. Он не мог не понимать, что ленинское предложение, в частности в 1922 г., было продиктовано иными причинами, чем желание сделать Троцкого своим идейно-политическим душеприказчиком. Главная из них — не дать Троцкому «сцепиться» со Сталиным, развести их подальше друг от друга: один пусть в качестве генсека сосредоточится на руководстве в партии, а другой — на хозяйственной работе. Кстати, об этом прямо писала М. И. Ульянова[54].

Из ленинского «Письма к съезду» с очевидностью явствует, что он никого не собирался выделять в качестве своего прямого наследователя. Этот вывод целиком подтверждается отношением Троцкого и других претендентов на место Ленина к его идейному наследию, обнаружившемуся еще при жизни Ленина. Каждый из них — Троцкий, Сталин, Зиновьев — весьма своеобразно трактовали это наследие. Например, у Троцкого, как и у Сталина, не говоря уже о Зиновьеве, можно найти немало свидетельств того, что на словах произнося дифирамбы Ленину, на деле он так интерпретировал его взгляды и результаты деятельности, что Ленин переставал походить на себя, начинал напоминать совсем другого человека... самого Троцкого. Так, например, Троцкий в «Новом курсе», мельком упомянув о способности Ленина к теоретическим обобщениям политики

---

[53] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп., 2, д. 104, л. 44.
[54] См.: Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 12. — С. 198.

«крутых поворотов», дал следующее определение ленинского наследия: «Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитание размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде»[55].

В «Уроках Октября» Троцкий хотя и не употреблял слово «чутье», но ясно давал понять, что накануне Октября именно благодаря этому чутью Ленин якобы сумел перейти на позиции теории «перманентной революции». Тем он, согласно Троцкому, был славен и велик.

Или другой пример. Троцкий в разных вариантах развивал тезис, опять-таки совершенно правильный, если вырвать его из контекста дискуссий тех лет, о том, что «ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связывать волю к революционному действию»[56].

Кто же будет спорить против такой стороны ленинского таланта? Конечно, никто. Если, разумеется, не отрывать у Ленина революционное действие от революционной теории, как это сделал Троцкий. И сделал сознательно. Потому что Ленин-теоретик ему не был нужен. В теории они с ним ни до ни после победы Октября так и не сошлись. А вот в политике между ними не было особых противоречий. В частности, в проведении «красного террора», хотя в этом плане Троцкий всякий раз пытался быть «святее римского папы» и постоянно опережал Ленина в применении самых суровых мер расправы с инакомыслящими и контрреволюционерами. В согласии начали они руководство и восстановление разрушенного войной народного хозяйства, оба придерживаясь теории и практики «милитаристского социализма». Разногласия начались тогда, когда Ленин увидел, куда способно завести голое насилие и исключительно командно-административная политика.

Вот почему Троцкий вел, причем вел с присущей ему настырностью, линию на сведение ленинизма к сугубо революционной практике, вне всякой связи с революционной теорией. Интерпретируя в нужном ему духе Ле-

---

[55] Троцкий Л. К истории русской революции. — М., 1990. — С. 191.

[56] Там же.

нина, он расчищал путь для проявления собственной «свободы от формальных предрассудков» в теории, а вслед за ней и на практике.

Не исключено, что именно эта сторона дискуссии подтолкнула тогдашних критиков Троцкого к прямо противоположной тенденции — чрезмерному акцентированию на теоретической части деятельности Ленина, выделению в ленинизме системы взглядов как учения Ленина. Причем это учение не исследовалось, а попросту канонизировалось как энциклика того же папы римского. Ее можно только воспринимать, никак не обсуждая. Зиновьев, например, не стесняясь, писал, что «ленинизм — евангелие того мирового пролетариата, которому история предназначила быть могильщиком буржуазного общества»[57].

Именно благодаря Зиновьеву и пошедшему вслед за ним Сталину ленинизм был лишен собственной истории. Под их пером ленинизм, точно Минерва из головы Юпитера, вышел как бы сразу в готовом виде, не подлежавшим к тому же обсуждению. Вышел как исключительно опиравшийся на марксизм, дававший единственно верное его толкование. Как будто Ленин, развивая марксизм, ни в чем не ошибался и, кроме марксизма, не опирался на достижения общественных наук своего времени, в том числе и на наследие представителей немарксистской социалистической и буржуазной мысли.

Такое огрубленное, недиалектическое обращение с наследием Ленина давало прекрасный повод его критикам для отрицания ленинизма как научной доктрины и метода познания действительности. Исходя из так понятого и так препарированного Троцким, Зиновьевым, Сталиным и другими интерпретаторами ленинизма в 20-е годы, и могли появиться суждения вроде принадлежавшего перу философа Н. Бердяева: «Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия... Он боролся за целостность и последовательность в борьбе, она невоз-

---

[57] Зиновьев Г. Ульянов В. (Ленин). — М., 1924. — С. 77.

можна без целостного, догматического вероисповедания, без ортодоксии»[58].

Таким способом проигравший Ленину спор в начале XX в. Бердяев сводил с ним, пусть и задним числом, счеты. Нельзя без горечи читать подобные строки, видеть мелочность у этого крупного философа. Тем более что со взглядами Ленина философ, похоже, знакомился по работам Троцкого, Зиновьева и Сталина, забывая, что этой троице, выдвинувшей на первое место в своей политической карьере междоусобную борьбу за власть, меньше всего нужен был подлинный смысл ленинского наследия. Эта троица была озабочена тем, чтобы, грубо говоря, ленинизм не мешал ей в достижении личных политических целей и амбиций.

Аналогичным образом сегодня поступают многие «демократы», особенно из числа только что покинувших ряды КПСС. Не зная Ленина ни тогда, когда они состояли в партии, ни сейчас, когда вышли из нее, они торопятся навесить на него ярлык «диктатора», «братоубийцы», «графомана», для которого собственные абстракции были важнее судеб народа.

Стремление Зиновьева, Сталина, Троцкого и прочих сделать ленинизм «ручным» обусловило «укладку» ими ленинизма в строго очерченные идейно-политические рамки, выход за которые стал расцениваться не иначе, как «ревизия» ленинизма, «покушение» на ленинские устои и проч. После такого препарирования ленинизм уже не столько помогал в анализе сложной и противоречивой реальности, сколько мешал такому анализу, оказавшись призванным оправдать деятельность взявшего верх на конкретном этапе борьбы за власть руководящего ядра в Политбюро, ЦК и партии в целом. Так появились воспоминания Троцкого «О Ленине», «Новый курс», «Уроки Октября». Так возникли «Вопросы ленинизма» Сталина. Так родилась книга Зиновьева «Ленинизм». Из этого же методологического источника черпал вдохновение «верный ленинец» Хрущев и сменивший его, тоже не менее «верный», ставший к тому же «автором» 9 томов «Ленинским курсом», Брежнев.

Нет, не вина Ленина и ленинизма, что водрузившие их на свои знамена временщики, мумифицировали их,

---

[58] Бердяев Н. И. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С. 97.

выхолостили из них душу живую, превратив в иконостас. Сегодня надо снять с Ленина и ленинизма чуждую им позолоту. Они в ней не нуждаются. Снять, чтобы понять: в Полном собрании сочинений Ленина мы не найдем сегодня и 100-й части ответов на те вопросы, которые перед нами поставила и продолжает ставить жизнь.

Но это не значит, что их следует бездумно отбросить, как, скажем, блюстители чистоты пролетарской культуры, вроде лидера РАПП Айхенвальда и прочих, в свое время требовавшие сбросить Пушкина с корабля истории. С Лениным и сегодня есть о чем посоветоваться и есть чему у него поучиться. Прежде всего — умению совершать быстрые, но грамотные, выверенные до миллиметра переходы от одной фазы развития к другой, бесстрашному осуждению того, что уже, по выражению поэта, «отцвело», и заострению внимания на том, что пришло, чтобы «отцвесть».

Ленинская мысль изначально диалектична. Причем диалектична не вообще, в пространстве мировой неодушевленной истории, а применительно к России, российскому опыту. Вот это очень важно иметь в виду в пору разгула межнациональных страстей и претензий одной нации к другой. Хотя Солженицын и говорит, что в Ленине русской крови было на четверть, он оказался самым русским из всех, кого дала Октябрьская революция нам в наследство.

Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директивы партии, когда он наряду с другими ее руководителями, опираясь на коллективный опыт партийцев, на всю массовую партийную организацию, выполнял порученные ему партией задания. Так было в период подготовки и осуществления Октябрьского вооруженного восстания, в годы гражданской войны и перехода к мирному строительству.

Вместе с тем, учитывая склонность Троцкого к сколачиванию блоков, использованию в своих целях «околопартийного нечто», Ленин давал решительный отпор его попыткам создавать собственное «кадровое окружение», опираясь на которое он стремился командовать в партии, пытался дистанцироваться от проведения в жизнь ленинских установок по строительству нового общества. Так было в период борьбы за заключе-

ние Брестского мира, во время дискуссии о профсоюзах, при решении ряда конкретных партийных, военных, хозяйственных проблем.

Ленин, хотя и не считал нужным при всяком удобном случае ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, тем не менее не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность политической позиции Троцкого — да и не его одного, — его готовность в самый неподходящий момент, что называется, «выкинуть коленце», да так, что это может вызвать «тряску» всей партии, особенно тревожила Ленина. Не случайно в «Письме к съезду», давая итоговую оценку Троцкому, он указал именно на такую черту его политического поведения. Ленин выделил выдающиеся способности Троцкого. «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК», — отмечал Ленин. Но тут же, в этой же строке продолжал: «Но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»[59]. Эти «увлечения» Троцкого, как, в частности, показали его попытки милитаризировать страну, оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Ленин счел нужным напомнить партии о небольшевизме Троцкого, оговорившись при этом, что небольшевизм так же мало может быть ставим ему в вину лично, как и октябрьский эпизод Зиновьеву и Каменеву.

Это ленинское замечание сегодня кое-кто пытается трактовать как отпущение грехов Троцкому. Думается, вопрос гораздо сложнее, чем выяснение дилеммы виновен — невиновен. То, что Ленин не имел в виду только личность Троцкого, — бесспорно. В его небольшевизме Ленин видел проявление позиции не отдельного партийного деятеля, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых не раз оказывался Троцкий.

Отмечая сильные и слабые стороны Троцкого как партийного и государственного деятеля, Ленин постоянно удерживал его от многих опрометчивых шагов и непродуманных решений, стремился без ущерба для него самого выправлять допускавшиеся им отступления от генерального курса партии на разных этапах борьбы

[59] Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 345.

за революцию и социализм. И в этом, на мой взгляд, одна из причин того, что при Ленине Троцкий в общем и целом держался, что называется, в рамках.

В таком всестороннем учете деятельности Троцкого — использовании его достоинств и своевременном указании на недостатки и принципиальные ошибки с целью их устранения — и заключается главное отличие ленинской постановки вопроса в отношении внутрипартийных разногласий от более поздней — сталинской, когда разногласия трактовались не как порожденные остротой переживаемого момента, запоздалой реакцией того или иного деятеля на необходимость «смены курса», а как имманентно присущие развитию партии, как закономерность ее развития. Поэтому при отсутствии разногласий их пытались найти, а то и попросту создать искусственно, как это происходило с конца 20-х, а затем в 30-е гг.

С учетом сказанного пора покончить с рядом сложившихся в прошлом стереотипов о взаимоотношениях Ленина и Троцкого. Они, во-первых, не были противниками в ходе подготовки и осуществления Октябрьского вооруженного восстания, хотя их подходы и не совпадали во всем. Троцкий имел отличную от Ленина точку зрения, в частности, о сроках проведения восстания, связывая его с открытием II съезда Советов.

Во-вторых, в истории с подписанием Брестского мира Троцкий не совершил «чудовищное предательство» по отношению к Ленину. Он руководствовался установками ЦК партии. Другое дело, что, выдвинув предложение о прекращении состояния войны, демобилизации армии и неподписании мира, Троцкий пренебрег устной договоренностью с Лениным как председателем Совнаркома.

В-третьих, находясь на постах председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора, Троцкий в основном проводил согласованную с Лениным линию в военном строительстве. Разногласия между ними затрагивали проблемы стратегии и тактики проведения боевых операций. Но, как правило, преодолевались в ходе полемики.

В-четвертых, вслед за Лениным Троцкий внес вклад в восстановление разрушенного двумя войнами народного хозяйства страны, а также в пропаганду новой экономической политики, политики мирного сосущест-

вования государств с различным общественным строем. Хотя и по этим вопросам их взгляды были далеко не во всем тождественны.

Выдвинутые Троцким установки на превращение страны в гигантскую военную казарму, осуществление экспорта революции в другие страны, использование методов «перетряхивания» общественных организаций и партии, «завинчивания гаек» во взаимоотношениях с трудящимися массами и другие подтвердили одну из особенностей общественного развития в переходный период в стране — засилье мелкобуржуазной стихии, в условиях которой революционные фразы, позы могут легко обернуться отходом от позиций рабочего класса, вылиться в подмену научного социализма концепциями мелкобуржуазного реакционного социализма.

Эта особенность подтвердилась затем и в 30-е гг., но на примере уже не троцкизма, а сталинизма, унаследовавшего и придавшего еще более уродливую форму чертам троцкистской социальной утопии.

И тут мы подходим к еще одному из важнейших аспектов ленинской итоговой оценки Троцкого и троцкизма — вопросу о соотношении пролетарской и мелкобуржуазной революционности. Этот вопрос всегда приобретал особую остроту в переломные моменты жизни партии, страны в целом.

В Троцком, как и ряде других руководителей партии, даже после вступления в РСДРП(б) сохранялись явные черты мелкобуржуазного революционаризма. После победы Октября он не отказался ни от одного из ключевых положений теории «перманентной революции». Более того, переиздал все свои главные дооктябрьские работы, в которых излагались основы идеологии и практики троцкизма, содержалась полемика с Лениным по проблемам теории революции. Показательно, что в середине 30-х гг. в «Записных книжках» Троцкий отмечал: «Ленину случалось ошибаться не только в мелких, но и в больших вопросах. Но он своевременно поправлялся и использовал ошибки противника». После чего, перечислив ошибки Ленина, когда тот был неправ в споре с Плехановым и другими, Троцкий заметил: «Автор этих строк был прав в общем прогнозе характера русской революции».

Очень ценное признание, тем более что оно делалось не для печати, а, как говорится, при размышлении на-

единне с самим собой. Оно показывает, что при всех названных выше и неназванных за недостатком места фактах политического сотрудничества Троцкого с Лениным, он и в послеоктябрьский период был глубоко убежден в правоте не ленинской, а собственной, троцкистской, позиции по ключевым вопросам революционной теории и практики.

Видел ли все это Ленин? Безусловно, да. Так, в 1927 г. Зиновьев, даже после того как он перешел на сторону Троцкого, возглавив вместе с ним названный по их именам блок в партии, в своих неопубликованных заметках «Об оппозиционном блоке» отмечал: «Знал ли Ленин... что у него расхождения с Троцким (1921 г.) по вопросу о теории перманентной революции? Конечно, знал». И далее: «Он (в 1922 г.) требовал совместной работы с т. Троцким, несмотря на прежние разногласия. Он говорил о том, что не следует ставить т. Троцкому лично в вину его прежний небольшевизм, он называл т. Троцкого одним из выдающихся вождей современного ЦК и т. д. »[60].

С мнением Зиновьева перекликается и случай, рассказанный М. И. Ульяновой. На одном из заседаний Политбюро Троцкий назвал Ленина «хулиганом». «В. И. побледнел, как мел, — писала Мария Ильинична, — но сдержался. «Кажется, кое у кого тут нервы пошаливают», что-то вроде этого сказал он на эту грубость Троцкого, по словам товарищей, которые передавали мне об этом случае». После чего добавила: «Симпатии к Троцкому и помимо того он не чувствовал — слишком много у этого человека было черт, которые необычайно затрудняли коллективную работу с ним. Но он был большим работником, способным человеком, и В. И., для которого, повторяю, дело было на первом плане, старался сохранить его для этого дела, сделать возможным дальнейшую совместную работу с ним»[61].

О чем говорят эти факты? Они очень точно отразили сложность и противоречивость ситуации, сложившейся в руководстве партии в тот период. Вопреки недавно изложенному в журнале «Коммунист» мнению (со ссылкой на того же Зиновьева), будто в 20-е гг. «сам термин «троцкизм» был выдуман в целях политической дискре-

---

[60] ЦПА ИМЛ, ф. 324, оп. 1, д. 110, л. 116.
[61] Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 12. — С. 197.

дитации Троцкого»[62], замечу, что его нечего было выдумывать, так как он никуда не исчезал, продолжая существовать, несмотря на взаимоисключающие высказывания, суждения и т. д. Зиновьева или кого-либо другого из тогдашнего руководящего ядра партии.

* * *

Таковы, на мой взгляд, разумеется, в самом общем виде взаимоотношения Ленина и Троцкого в начале 20-х гг. Помимо других, в итоге сам собой напрашивается следующий вывод. В осмыслении путей развития послеоктябрьской истории партии и места в ней Троцкого, троцкизма, считаю необходимым учесть положение, сформулированное в материалах октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС: «И до, и после революции, в первые годы социалистического строительства отнюдь не все руководители партии разделяли ленинские взгляды по ряду важнейших вопросов»[63].

Соотношение между мелкобуржуазной и пролетарской революционностью всегда подвижно, между ними нет жестких границ. Поэтому чрезвычайно важно своевременно учитывать диалектику этого соотношения с тем, чтобы по возможности снимать возникающие противоречия и тем более не доводить их до антагонизма. В этом Ленин видел одно из важнейших проявлений искусства партийного руководства. В этом же состоит один из многих уроков, который вытекает из анализа отношения Ленина к Троцкому, троцкизму как внутрипартийному политическому течению, существовавшему на протяжении длительного отрезка истории партии — и до и после победы Октября, но не во всякий период этой истории в организационно оформленном виде.

Значит ли это, что Троцкий не имел никакого отношения к марксизму, что правы оказались авторы «Краткого курса ВКП(б)» с их версией «злого умысла», согласно которой Троцкий вступил в партию для того, чтобы разрушить ее изнутри? Если бы это было так, то не было бы ни сближения Троцкого с большевиками, ни тем более его вступления в РСДРП(б), ни его совместной работы с Лениным и другими руководителями партии и Советского государства.

---

[62] Волобуев О., Кулешов С., Шелохаев В. Историко-партийная наука: условия развития. — Коммунист. — 1989. — № 16. — С. 44.

[63] Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 2. — С. 212.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Васецкий Николай Александрович

«Я ШЕЛ К ЛЕНИНУ С БОЯМИ...»

(Ленин и Троцкий. К характеристике взаимоотношений. 1920—1924)

Гл. отраслевой редактор А. Н. Киляхин
Редактор Л. Б. Ястребов
Мл. редактор И. В. Федорова
Худож. редактор М. А. Гусева
Техн. редактор Н. В. Клецкая
Корректор Л. С. Соколова

ИБ № 11591

Сдано в набор 08.01.91. Подписано к печати 25.02.91. Формат бумаги $84\times108^1/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,47. Уч.-изд. л. 3,53. Тираж 23 413 экз. Заказ 24. Цена 30 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 910003.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

30 коп. Индекс 70092

Дорогой читатель!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в каталоге «Всесоюзные газеты и журналы» в разделе «Подписные серии издательства «Знание».

ЗНАНИЕ

Цена подписки на год

3 руб. 60 коп.

Издательство «Знание»

Наш адрес:
101835,
Москва, Центр,
проезд Серова, 4